

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ

ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Кафедра «История, право и методика правового обучения»

МЕЖОТРАСЛЕВОЙ НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЦЕНТР

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ
ПОЛИТИКИ И ПРАВА**

**III Всероссийская
научно-практическая конференция**

Сборник статей

Октябрь 2015 г.

Пенза

УДК 33:340

ББК 66:67

А 43

Оргкомитет конференции:

Председатель: – кандидат юридических наук, доцент кафедры «История, право и методика правового обучения» *Гаврилов К.Г.*;

Ответственный редактор: – кандидат исторических наук, профессор, зав. кафедрой «История, право и методика правового обучения» *Федосеева Л.Ю.*

Ответственный секретарь: – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История, право и методика правового обучения» *Гаврилова Т.В.*

А43 **Актуальные проблемы истории, политики и права:** сборник статей III Всероссийской научно-практической конференции / МНИЦ ПГСХА. – Пенза: РИО ПГСХА, 2015. – 116 с.

Сборник материалов III-й Всероссийской научно-практической конференции содержит результаты исследований авторов статей по актуальным юридическим, историческим и историко-политическим проблемам. Большое место занимают исследования, посвященные первым десятилетиям Советской власти, как самым динамичным, во многом плодотворным и одновременно трагическим страницам отечественной истории.

Авторы статей правовой направленности большое внимание уделяют вопросам регулирования отношений с участием несовершеннолетних, уголовно-процессуальным проблемам и другим.

The collection of the materials III-rd of the All-Russian scientific and practical conference contains results of researches of authors of articles on actual legal, historical and historical and political problems. The researches devoted to the first decades of the Soviet power as the most dynamic, in many respects to fruitful and at the same time tragic pages of national history figure prominently.

Authors of articles of a legal directivity pay much attention to questions of regulation of the relations with involvement of minors, criminal procedure problems, etc.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ

К.Г. Гаврилов

*ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет»,
г. Пенза, Россия*

В статье анализируются предпосылки формулирования понятия «право на образование» и формирование одноименного правового института. Выделяется три основных фактора: осознание законодателем потребности государства в широком круге образованных людей, восприятие обществом образования как безусловного социального блага, техническая возможность юридической науки сформулировать указанные запросы в форме концепции права человека на образование. Предполагается, что отсутствие в англо-американской правовой доктрине института «право на образование» связано с технической невозможностью его появления в данной системе права. Его функции во многом выполняют нормы, защищающие академические свободы.

Ключевые слова: право на образование, закон об образовании, права человека, философия права, теория государства и права, конституционное право.

Право на образование занимает заметное место в системе социальных прав каждого человека. Традиционно право на образование относят к так называемым «правам второго поколения» (социально-экономическим и культурным) [7, 9, 10]. Но аспект недискриминации в образовательной сфере может рассматриваться также как гражданское право первого поколения.

В широком смысле образование можно рассматривать как целенаправленно организованный процесс управления социализацией личности. В этом случае под образованием понимается единый процесс физического и духовного становления личности. В таком понимании образование выступает как общечеловече-

ская ценность, как гарантия полноценного участия индивида в современном обществе, как гарантия успешного развития самого общества и как основа функционирования современного государства.

Если мы понимаем образование как процесс целенаправленной социализации индивида, то образовательные отношения возникли одновременно с человеком, как существом общественным. Если же понимать образование более узко, как отдельную специфическую сферу общественной деятельности, то говорить о появлении образования можно в случае, если в обществе появились лица, профессионально занимающиеся передачей знаний и социального опыта. Именно с этим появлением связывают первые законодательные попытки регламентировать образовательную деятельность.

Педагогика, наука, имеющая предметом сущностные аспекты образования, обладает наиболее развитым понятийным и методическим аппаратом по данному вопросу. Педагогика в этом случае представляет собой науку, изучающую сущность, закономерности, тенденции и перспективы развития педагогического процесса (образования) как фактора и средства развития человека на протяжении всей его жизни [8].

Правовая наука изучает иные аспекты образования. По этой причине многие закономерности, термины, успешно применяемые в педагогике, могут быть неэффективными при исследовании правовых аспектов образования, в том числе и при изучении сущности права человека на образование. Следовательно, изучение правовых аспектов образования необходимо основывать на правовом понятийном аппарате, при этом уважительно адаптируя и используя достижения педагогических наук.

Для генезиса правового института «Право человека на образование» должна сложиться система предпосылок и движущих факторов. В каждой стране вырабатывается своя уникальная система таких предпосылок. Различия обусловлены национальными особенностями истории, традиций, правовой системы и степенью развития конкретного общества и государства. Но есть возможность выделить три основные группы факторов, без которых формулирование субъективного права человека на образование невозможно.

С некоторой долей условности эти факторы можно обозначить как:

Осознание законодателем потребности государства в широком круге образованных людей и обеспечение государственной поддержки образования.

Восприятие обществом образования как безусловного социального блага.

Техническая возможность юридической науки сформулировать запросы общества и государства в форме концепции права человека на образование.

Осознание законодателем потребности государства в широком круге образованных людей. Потребность государства в образованных людях появилась одновременно с самим государством. Аппарату управления всегда требовалось некоторое количество грамотных чиновников для администрирования и церковнослужителей для поддержания идеологической стабильности в обществе. До нас дошли многочисленные свидетельства разных эпох о покровительстве просвещенными правителями наукам, искусствам и образованию. Они основывали школы, приглашали ко двору философов, поддерживали систему подготовки писцов, священников, думных дьяков и других специалистов. Достаточно вспомнить инициативы Петра I по принудительному обучению дворянских недорослей наукам. Но все эти меры, во-первых, не носили системного характера, во-вторых, затрагивали менее одного процента населения страны. В те времена государство не нуждалось в повышении образовательного уровня всего населения, достаточно было небольшого числа специалистов и чиновников. Право на образование не признавалось базовой ценностью, оно было необходимо для продвижения в чиновничьей иерархии, а иногда даже становилось обременительной обязанностью.

Настоящим фактором развития субъективного права на образование стала государственная потребность в массовом образовании и повышении общего образовательного уровня. В развитых странах этот процесс начался в эпоху промышленного переворота, потребовавшего большого количества квалифицированных рабочих и управленцев. Россия позже европейских государств вступила в период капиталистических отношений, и система мас-

сового образования сложилась немного позднее. Но в конце XIX – начале XX вв. Российская Империя переживала бурный период индустриализации, поэтому в стране быстро развивалась сеть приходских школ, реальных училищ и высших учебных заведений. Образование обеспечивалось государством, оно стало массовым и общество стало воспринимать его как личную необходимость человека. Не зря движение женской эмансипации в России приобрело форму борьбы за женское высшее образование, выразившееся в создании женских Бестужевских курсов и в длительных поездках девушек из высших слоев в Европу, где не существовало запретов на прием женщин в университеты.

Современное Российское государство декларирует особую значимость образования. Не случайно, что первый нормативный правовой акт новой российской государственной власти был посвящен именно образованию [2]. С самого начала современной законодательной практики признаётся приоритетность сферы образования, исключительной значимости образования для развития интеллектуального, культурного и экономического потенциала России.

Приоритетность образовательной сферы выражается:

- в создании развитой нормативно-правовой базы, формировании самостоятельной отрасли законодательства в сфере образования;
- финансировании системы образования и создания благоприятных экономических предпосылок для развития российского образования;
- формировании оптимальной структуры организации и управления образованием;
- подготовке научно-педагогических кадров для сферы образования;
- укреплении связи образования и науки;
- развитию международных контактов и академической мобильности.

Восприятие обществом образования как безусловного социального блага. В наши дни почти везде на планете образование воспринимается в качестве социальной ценности. Как иллюстрацию, можно привести пример создания мировым сообществом Университета мира, с целью «обеспечить человечество междуна-

родным высшим учебным заведением по вопросам мира и с целью укрепления между всеми людьми духа взаимопонимания, терпимости и мирного сосуществования для поощрения сотрудничества между народами и содействия уменьшению препятствий и угроз международному миру и прогрессу в соответствии с благородными целями, провозглашенными в Уставе Организации Объединённых Наций» [5].

Независимо от других личных достижений качественное образование содействует повышению статуса субъекта, позитивно влияет на определение его социальных ролей.

Но не стоит думать, что такая ситуация существовала всегда. В истории известны общества, в которых не всякое образование приветствовалось. В ранних исламских или христианских государствах, в том числе и в Древней Руси, ценилось только религиозное образование. В Спарте, ранней Римской Империи и сельскохозяйственных колониальных государствах Южной Африки, Северной Америки излишняя образованность признавалась вредной для гражданина. Считалось, что теоретическая наука развращает, склоняет к безделью и бесцельным с хозяйственной точки зрения рассуждениям. Простые аграрные общества не нуждаются в сложном аппарате управления, поэтому человек в них не нуждался в публичном образовании.

Но развитые античные или сложные капиталистические общества воспринимали высокий уровень образования как ключ к социальному успеху, возможность занять достойное место в общественной иерархии. Человек, не получивший образования, не имел шансов подняться над рутинным трудом низкооплачиваемого рабочего или крестьянина.

В наши дни, когда общество переходит в стадию постиндустриального (информационного) экономического развития, получение образования – это уже не просто шанс карьерного роста, это необходимое условие успешной социализации. Без получения общего среднего образования сегодняшней человек не в состоянии удовлетворить даже базовые потребности, он не сможет на более или менее приемлемом уровне реализовать свои социальные, экономические, культурные, политические и даже личные права. Человек, лишенный доступа к образованию, выпадает из современного общества. Именно поэтому международные гума-

нитарные организации в последние десятилетия пытаются бороться с безграмотностью с той же настойчивостью, что и с проблемами голода и болезней.

Но не стоит забывать, что сфера образования представляет собой объект правового регулирования не только в связи с реализацией конституционного права на образование и иных основных прав и свобод человека и гражданина, но и как отрасль экономики, а также как фактор национальной безопасности. И в этом аспекте пересекаются интересы государства и человека в сфере образования.

Техническая возможность юридической науки сформулировать концепцию права человека на образование. Институт права на образование в первую очередь остается инструментом регулирования общественных отношений в сфере образования. И многие правовые системы вполне успешно обходятся без формулирования естественного права человека на образование. Для традиционных правовых семей сама идея естественного права являлась чуждой. Поэтому и правовые институты, регламентирующие социальные права человека формируются на основе заимствования норм из других правовых систем. Семья англо-американского права также не испытывает острой необходимости в формировании института права на образование на национальном уровне. Гарантией реализации общечеловеческих ценностей в странах англо-американского права является развитая система академических свобод (Academic Freedom and Tenure) [11], точнее, свобода в образовании (freedom of education). Система образовательных свобод в США опирается на первую поправку к конституции США, гарантирующую свободу слова, печати и мирных собраний (Конгресс не должен издавать ни одного закона, относящегося к установлению религии или запрещающего свободное исповедание оной, либо ограничивающего свободу слова или печати либо право народа мирно собираться и обращаться к правительству с петициями об удовлетворении жалоб) [6].

Свободы в сфере образования гарантируются в Европейской конвенции по правам человека [4, Ст. 2], в конституциях Королевства Бельгия и Королевства Нидерланды.

Но необходимо отметить, что формулирование универсальной концепции права на образование полнее защищает право

граждан на образование. Система образовательных свобод в каждой правовой системе несет на себе отпечатки своего исторического развития и делает акценты только на некоторых, ключевых в прошлом правах. В частности, в Нидерландах свобода образования представляется как гарантия бесплатного образования, отсутствия государственной монополии в образовании, государственного финансирования частных школ, свободы религиозного образования. В США одной из основ образовательных свобод является прецедент Верховного суда Соединенных Штатов (United States Supreme Court), отменяющий расовую сегрегацию в школах.

Универсальная идеология права на образование полно сформулирована в многочисленных международных документах. На международном уровне право человека на образование впервые было закреплено в ч. 1 ст. 26 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. и получило свое дальнейшее развитие в ч. 1 ст. 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., статьях 28 и 29 Конвенции о правах ребёнка, в статье 2 Первого протокола Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод. «Всеобщая декларация прав человека» закрепляет тезис, что каждый человек имеет право на образование. Бесплатное начальное и общее образование признаются универсальной ценностью. При этом начальное образование должно быть обязательным. Декларируется общедоступность специального образования и отсутствие дискриминации.

Следует сразу сказать, что все требования «Декларации о правах ребенка» и «Конвенции о правах ребенка», а также иных основополагающих международных документов в сфере образования отражены в национальном законодательстве РФ. Российская Федерация обязуется обеспечивать бесплатное и обязательное начальное образование; поощрять развитие различных форм среднего образования, как общего, так и профессионального, обеспечивать его доступность для всех детей и принимать такие необходимые меры, как введение бесплатного образования и предоставление в случае необходимости финансовой помощи; обеспечивать доступность высшего образования для всех на основе способностей каждого с помощью всех необходимых средств; обеспечивать доступность информации и материалов в

области образования и профессиональной подготовки для всех детей; принимать меры по содействию регулярному посещению школ и снижению числа учащихся, покинувших школу.

Конституция Российской Федерации закрепляет за каждым право на образование, не раскрывая этого понятия. В законе «Об образовании в Российской Федерации» [1] под образованием понимается единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов.

Как видим, в отличие от предыдущего закона «Об образовании», ныне действующий нормативный акт понимает термин «образование» не просто в качестве подтвержденного документально уровня образовательного ценза, а в трех аспектах:

общественного и частного блага;

целенаправленного процесса воспитания и обучения в интересах человека, общества, государства;

совокупности приобретаемых знаний, умений, навыков и компетенций определенного объема и сложности.

Как видим, институт права на образование основывается на трёх походах к пониманию термина «образование», что, с одной стороны, усложняет толкование права (ведь теперь одно слово «образование» можно понимать минимум в трех различных смыслах), но, с другой стороны, содержит в себе все значимые с философско-правовой точки зрения элементы. Любое современное государство ощущает необходимость в образованных людях, а значит, первая предпосылка формирования в правовой науке института права на образование присутствует в любой правовой системе. Практически в любом современном обществе присутствуют экономический и политический аспекты (право на образование как инструмент развития государства и общества), этический и ценностный аспект (право на образование как безусловное социальное благо). Отсутствие в англо-американском праве ин-

ститута права на образование связано, как было рассмотрено в статье, преимущественно с техническими особенностями англо-американского права.

Литература

1. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 31.12.2012, N 53 (ч. 1), ст. 7598.

2. Указ Президента РСФСР от 11 июля 1991 года № 1 «О первоочередных мерах по развитию образования в РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР от 1 августа 1991 г., № 31, ст. 1025.

3. Проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления критериев доступности населению услуг в сфере культуры, образования, и социального обслуживания» (подготовлен Минэкономразвития России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 29.10.2015) // Сайт СПС Консультант + [Электронный ресурс] URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi>

4. Протокол 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Официальный сайт Европейского суда по правам человека [Электронный ресурс] URL: <http://europeancourt.ru/konvenciya-o-zashhite-prav-cheloveka-i-drugie-oficialnye-dokumenty/konvenciya-o-zashhite-prav-cheloveka-i-osnovnyx-svobod/>

5. Соглашение Организации Объединенных Наций «О создании Университета мира» от 5 декабря 1980 г.

6. Статьи в дополнение и изменение Конституции Соединенных Штатов, предложенные Конгрессом и ратифицированные отдельными штатами в соответствии с пятой статьей Конституции // Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательные акты / Сост. В.И. Лафитский. – М.: Прогресс, 1993.

7. Невирко, Д.Д. Права и свободы человека и гражданина: проблемы соотношения, взаимодействия и иерархии / Д.Д. Невирко // Дис... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2004. – 181 с.

8. Педагогика: учебное пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В.А. Сластенин, И.Ф. Исаев, Е.Н. Шиянов // Под ред. В.А. Сластенина. – М., 2002. – 576 с.

9. Права человека. Энциклопедический словарь. Отв. редактор С.С. Алексеев. – М.: Норма, 2009. – 656 с.

10. Экштайн, К. Основные права и свободы по российской Конституции и Европейской Конвенции / К. Экштайн // Учебное пособие для вузов. – М.: Nota Bene, 2004. – 496 с.

11. 1940 Statement of Principles on Academic Freedom and Tenure // American Association of University Professors [Электронный ресурс] URL: <http://www.aaup.org/AAUP/pubsres/policydocs/contents/1940statement.htm>

THE THEORETICAL BASIS OF THE RIGHT TO EDUCATION

K.G. Gavrilov

*FSBEI HPE «Penza State University»
Penza, Russia*

The article analyzes the conditions under which the concept of «right to education» was formulated and the formation of the same name legal institution. There are three main factors distinguished: legislator awareness of the state need in a wide range of educated people, public perception of education as an absolute social good, the technical possibility of legal science to formulate these questions in the form of the concept of human rights to education. It is assumed that the absence of institution «right to education» in the Anglo-American legal doctrine is due to the technical impossibility of its appearance in this system of law. Its functions are largely performed by the norms protecting academic freedoms.

Keywords: the right to education, Education Act, human rights, philosophy of law, theory of state and law, constitutional law.

**ПРАВОВЫЕ УСЛОВИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАСС
ВЗАИМОПОМОЩИ В ПРОФСОЮЗЕ РАБОТНИКОВ
ИСКУССТВ В 1920–1930-е гг.
(НА МАТЕРИАЛАХ СРЕДНЕЙ ВОЛГИ)**

Л.Ю. Федосеева

*ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет»,
г. Пенза, Россия*

В статье рассматриваются процесс организации касс взаимопомощи в Среднем Поволжье в 1920-е гг., источники их финансирования, правовые условия деятельности в 1920–1930-е гг., оценивается их роль в организации помощи нуждающимся членам профсоюза.

Ключевые слова: профсоюз работников искусств, касса взаимопомощи, Типовой Устав Касс Взаимопомощи.

Идея создания в профсоюзе работников искусств касс взаимопомощи родилась в кабинетах Московского губрабиса в 1922 году. Ее предпосылкой являлся низкий уровень материальной обеспеченности большинства работников творческих профессий. Предполагалось, что касса «должна питаться процентными отчислениями от заработка работников искусств, ... случайными поступлениями, доходами от периодически устраиваемых для кассы спектаклей и концертов, пожертвованиями театралов» [4]. Поначалу идея организации кассы не вызвала большого энтузиазма работников сцены, художников, музыкантов, но широкая разъяснительная работа сделала свое дело.

В январе 1923 года журнал «Театр и музыка» писал: «Даже инертный, равнодушный к вопросам организации и самопомощи театральные мир начал проявлять полное самосознание и активность. ... Касса совершенно автономна, имеет по уставу свое самостоятельное правление, свою выборную ревизионную комиссию, свой особый аппарат с отдельной бухгалтерией» [5, с. 485]. К концу января планировалось закончить организацию кассы. Но

еще до того, как она начала работать, посыпались десятки прошений о помощи от впавших в нужду и больных сценических деятелей.

Членами кассы могли быть только члены Московского Губрабиса, внесшие вступительный взнос и обязавшиеся делать ежемесячные отчисления в кассу не менее 1 % заработка [5, с. 485].

В апреле 1923 года в числе членов кассы было зарегистрировано 5500 человек. В материальном отношении касса считалась едва ли не самой мощной и богатой [5, с. 684].

Помимо пополнения денежного содержания кассы и оказания за счет этого различных видов помощи ее членам, руководство кассы проявляло инициативу и по другим направлениям помощи. В частности, было достигнуто соглашение с Московским объединением Кожпром о скидке для членов кассы взаимопомощи работников искусств на обувь и другие кожаные изделия от 10 до 20 % [5, с. 723].

Только за организационное время было выдано вспомоществования на сумму 80 миллиардов рублей. Такие крупные операции на первых порах существования кассы были возможны только благодаря устройству театральной лотереи, давшей до 100 миллиардов руб. [5, с. 775].

В провинции создание касс взаимопомощи произошло несколько позже, чем в столице.

В Пензе, например, весь 1924 год прошел в собраниях, обсуждавших цели и задачи кассы, а оформлена она была лишь в июне 1925 года. Первоначальный ее состав – 16 человек из числа членов профессионального союза Рабис. Но уже к декабрю 1925 года касса насчитывала 130 человек.

На 1 июля 1928 года членами кассы были в Пензенском округе 99 человек, из них 60 человек работающих, 39 – безработных. За предшествующее полугодие из кассы было выдано 40 возвратных ссуд в сумме 605 рублей 51 коп. Ссуды составляли от двух до 50 рублей [1].

Касса Ульяновского окружного отдела работников искусств на 1 апреля 1929 г. объединяла 64 человека. За август 1928 – апрель 1929 гг. оборот кассы составил 869 руб. 82 коп., что примерно сопоставимо с оборотом Пензенской окружной кассы. Однако уровень организация ее работы был несколько ниже, чем Пензен-

ской, поэтому здесь нередки были случаи выхода из членства в кассе «в виду того, что таковая не обслуживает в достаточной степени» [2, Оп. 2. Д. 611/011. Л. 39].

17 апреля 1931 г. Президиум ВЦСПС утвердил Типовой Устав Касс Взаимопомощи. Определяя цели и задачи последних, Устав провозглашал: «Касса взаимопомощи есть добровольная организация работающих членов профсоюзов, ставящая своей целью оказание товарищеской материальной помощи своим членам в соответствии с основными задачами, стоящими перед профсоюзами в реконструктивный период» [2, Оп. 1. Д. 64. Л. 9].

Правовой регламентации подверглись порядок организации и ликвидации касс, условия членства, формы работы, формирование и движение финансовых средств.

Устанавливалось, что касса могла быть создана при наличии не менее 25 заявлений, при этом особо подчеркивалось: «исключительно на началах добровольного вступления» [2, Оп. 1. Д. 64. Л. 9]. Работникам мелких предприятий предоставлялось право присоединяться к кассам ближайшего предприятия либо объединяться при районных или групповых комитетах соответствующих союзов.

Каждая касса должна была иметь свой устав, регистрация которого в профессиональном союзе делала деятельность кассы легитимной.

Непосредственное руководство деятельностью касс осуществлялось ФЗМК, которые должны были регулярно заслушивать отчеты и доклады, обсуждать планы работ и сметы кассы.

Средства кассы складывались из ее собственных средств, членских взносов, подлежащих возврату, и средств целевого назначения.

В собственные средства поступали:

- не подлежащие возврату средства, оставшиеся в кассе до принятия Типового устава;
- вступительные взносы (в случае выхода из членства в кассе эти взносы не возвращались – Л. Ф.);
- невостребованные членские взносы, (собственностью кассы они становились, если не были востребованы в течение 1 года со дня выхода из членства);
- проценты по текущим счетам, ссудам, пени;
- другие случайные поступления.

Уставом предусматривалась следующая шкала членских взносов:

Заработок	Размер взноса
40 руб.	30 коп.
41–60 руб.	50 коп.
61–100 руб.	75 коп.
101–150 руб.	1 руб. 25 коп.
151–200 руб.	1 руб. 75 коп.
201–250 руб.	2 руб. 25 коп.
251–300 руб.	3 руб. 00 коп.
От 300 руб.	4 руб. 00 коп.

Кассы взаимопомощи выдавали краткосрочные и долгосрочные ссуды, а в случаях острой нужды – безвозвратные пособия; предоставляли различные льготы, рассрочки платежей, право преимущественного обслуживания в учреждениях, имеющих целью коллективное обслуживание бытовых нужд и запросов рабочих, работниц, служащих и административно-технического персонала (ясли, детсады, площадки, столовые, санатории, курорты, дома отдыха, базы 5-го дня отдыха и т. д.). В этих целях кассы взаимопомощи могли заключать договоры и соглашения с соответствующими учреждениями и организациями.

Кроме того, кассы обслуживали культурные запросы своих членов: закупали билеты для коллективного посещения театра, организовывали и финансировали экскурсии, обеспечивали обучающихся в пунктах ликбеза учебными пособиями и т. д.

Условием ликвидации кассы взаимопомощи Устав называл постановление общего собрания (конференции) ее членов, которое должно было быть принято большинством в 2/3 от общего числа участников собрания или конференции. Основаниями ликвидации были:

- отсутствие достаточных средств и невозможность изыскать их;
- отсутствие предусмотренного уставом числа членов;
- слияние с другой кассой;
- решение союзных органов.

В 1930-е годы кассы взаимопомощи в профессиональном союзе работников искусств стали явлением распространенным. Так, в Куйбышевской области на 1 января 1936 г. было 7 касс, на 1 апреля того же года – уже 10, а на 1 октября 1937 г. – 11. Член-

ством в кассах было охвачено 436 чел., или 36 % членов профсоюза. Лучшей являлась касса взаимопомощи театра Музыкальной комедии, неплохо работали кассы театра Драмы и театра рабочей молодежи [2, Оп. 1. Д. 1. Л. 4].

Увеличились размеры субсидий кассам со стороны местных комитетов. Если за 1936 г. субсидирование составило 1600 руб., то только за первое полугодие 1937 г. – 2632 руб. 31 коп. [2, Оп. 1. Д. 1. Л. 12].

Систематическую финансовую помощь кассам взаимопомощи оказывали Страхкассы [3, Д. 8. Л. 43].

В то же время Президиум Куйбышевского Областного комитета Союза Рабис отмечал, что «работа касс характеризуется недостаточным охватом членов союза, частым выходом, большой задолженностью по членским взносам и ссудам, слабой оборачиваемостью капитала, отсутствием различного подхода к разным группам (ведущие профессии, обслуживающий персонал)». [3, Д. 2. Л. 16]. На заседании Президиума Куйбышевского обкома союза Рабис 9 марта 1938 г. была поставлена задача «Предложить местным организациям организовать массово-разъяснительную работу за 100 % вовлечение работников в кассу взаимопомощи. До 1 апреля организовать КВ в коллективах: Сызранского, Камешкирского театров, Гастрольбюро и Радиокомитете» [3, Д. 8. Л. 4].

Несмотря на все издержки в деятельности касс взаимопомощи, которые отмечаются в документах, они играли заметную роль в организации помощи нуждающимся членам профсоюза.

Литература

1. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р-210. Оп. 1. Д. 7. Л. 24.
2. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 9495.
3. СОГАСПИ. Ф. 9541. Оп. 1.
4. Театр и музыка. 1922. № 12. С. 811.
5. Театр и музыка. 1923.

**LEGAL CONDITIONS OF ACTIVITY OF CASH DESKS
OF MUTUAL AID IN LABOR UNION OF WORKERS
OF ARTS In the 1920-1930th.
(On MATERIALS of CENTRAL VOLGA)**

L.Yu. Fedoseyeva

*The Penza state university,
Penza, Russia*

The article deals with the process of organizing mutual-aid funds in the Middle Volga Region in 1920s as well as the sources of their financing and legal conditions of activity in 1920–1930s. Their role in helping the needy union members is assessed.

Key words: Arts Workers Union, benefit-society, Model Charter of Mutual Fund.

УДК 342.55

**ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
УПРАВЛЕНИЯ ФССП ПО ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ**

Ф.Н. Байбиков

*Управление Федеральной службы судебных приставов
Российской Федерации по Пензенской области
г. Пенза, Россия*

В статье рассматриваются правовые основы функционирования территориального органа Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации (ФССП РФ) на примере Управления ФССП по Пензенской области.

Ключевые слова: судебный пристав, государственная служба, правоохранительная деятельность.

Актуальность вопроса организации и деятельности службы судебных приставов особенно возрастает в эпоху рыночных от-

ношений и развития демократии, создающих условия для широкого проявления активности граждан и хозяйствующих субъектов. Организация и деятельность службы судебных приставов, несомненно, нуждается и в совершенствовании.

История становления института судебных приставов рассмотрена неплохо, как в правовом, так и в народно-хозяйственном аспектах [2, 3]. Но для современного права необходимо определить актуальное состояние данного института в регионах. Для анализа прохождения государственной гражданской службы в УФССП по Пензенской области необходимо определить особенности данного процесса, определяемые различными факторами, действующими на территории, подведомственной указанному территориальному органу. Прохождение государственной гражданской службы судебными приставами, в принципе, носит унифицированный характер, регламентируется федеральным законодательством. В настоящее время деятельность должностных лиц ФССП осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Но унифицированность и единство правового регулирования прохождения государственной гражданской службы на нормативно-правовом уровне не исключает региональных особенностей на правоприменительном уровне.

Задачей судебных приставов-исполнителей является обеспечение деятельности по исполнению судебных актов и актов других органов, предусмотренных Федеральным законом об исполнительном производстве.

В отличие от судебных приставов, обеспечивающих установленный порядок деятельности судов, судебный пристав-исполнитель не наделен правом применения силы и оружия. Тем не менее, он осуществляет принудительное исполнение. Следующей особенностью государственной гражданской службы в территориальном органе ФССП являются особые требования к кандидату на должность пристава. Данные требования определяются функциями пристава. Например, в отличие от других категорий государственных гражданских служащих, существует требование отсутствия судимости для кандидата на должность пристава.

Задачи, стоящие перед судебными приставами-исполнителями, определяют совокупность требований, предъявляемых к лицу, назначаемому на должность судебного пристава. Так, в соответствии со статьей 3 Федерального закона от 21 июля 1997 года «О судебных приставах» судебным приставом может быть гражданин Российской Федерации, достигший возраста 21 год, имеющий среднее общее или среднее профессиональное образование (для старшего судебного пристава, заместителя старшего судебного пристава – высшее юридическое образование, для судебного пристава-исполнителя – высшее юридическое или высшее экономическое образование), способный по своим деловым и личным качествам, а также по состоянию здоровья исполнять возложенные на него обязанности [4]. Как видим, судебный пристав-исполнитель имеет обширный набор прав, что требует от него владения широким спектром компетенций [1, с. 132].

Судебные приставы-исполнители не обязаны пресекать правонарушения, не вправе применять административное задержание, но они уполномочены на производство осмотра, наложение ареста и изъятие имущества должника во исполнение исполнительного документа.

Имеющиеся тенденции свидетельствуют о том, что по статусу, компетенциям и властным полномочиям рассматриваемый субъект является правоприменителем, во многом схожим с судьей. Следовательно, им должен быть грамотный, образованный юрист и с высшим образованием. На него в полной мере распространяются запреты и ограничения, связанные с прохождением государственной службы [5]. Следует отметить, что в структуре Федеральной службы судебных приставов законодательно и организационно оформилась и достаточно эффективно работает служба специального предупреждения и пресечения правонарушений и преступлений [1, с. 256].

Подводя итоги изучения особенностей прохождения государственной гражданской службы в Территориальном органе Федеральной службы судебных приставов, следует сделать выводы о двух основных группах особенностей. К первой группе особенностей можно отнести специфические черты характера деятельности судебных приставов, вытекающих из особенностей статуса

судебного пристава, отличающих его от иных категорий государственных гражданских служащих. В свою очередь, прохождение государственной гражданской службы приставов-исполнителей и приставов по ОУПДС также имеет существенные различия. На особенности службы пристава-исполнителя наибольшее влияние оказывает специфика его деятельности. Фактически, совершая исполнительские действия, пристав осуществляет правосудие, не просто воплощает, но и конкретизирует судебное решение. Обладая статусом гражданского служащего, он выполняет функции правоохранителя. К особенностям прохождения службы приставом-исполнителем следует добавить фактически ненормированный рабочий день, постоянные конфликтные ситуации в ходе исполнения им его функций, необходимость детального знания законодательства и обладания рядом экономических компетенций. Пристав по ОУПДС в свою очередь, фактически выполняет функции охраны и принуждения, его служба по своему характеру максимально приближена к службе в органах МВД. Требования к личным и деловым качествам судебного пристава заметно выше, чем требования к иным категориям гражданских служащих. Невысокая заработная плата в сочетании со значительной физической и психологической нагрузкой во время прохождения службы в Управлении ФССП по Пензенской области вызывает значительную текучесть кадров и снижение уровня профессионализма у судебных приставов. Наибольший процент сменяемости личного состава судебных приставов наблюдается в городских районах, где нагрузка особенно велика. Приставы, осуществляющие свою деятельность в районах с небольшим количеством жителей, как правило, указывают в качестве главной проблемы в своей работе не общее количество дел, а необходимость перемещения на значительные расстояния, недостаточность обеспечения транспортными средствами и средствами связи.

Литература

1. Административно-процессуальное право. Курс лекций / Под ред. И.Ш. Киясханова. М., 2014. – С. 132.

2. Буценко, О.Б. К истории вопроса становления института судебного пристава-исполнителя / О.Б. Буценко // Известия

Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Вып. 110. 2009. С. 232–236.

3. Гаврилов, К.Г. Организационно-правовые формы частных коммерческих предприятий в промышленности РСФСР в период Новой экономической политики (1921–1929 гг.) / К.Г. Гаврилов // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. – 2011. – № 23. – С. 353–361.

4. Федеральный закон от 21.07.1997 № 118-ФЗ «О судебных приставах» // Собрание законодательства РФ, 28.07.1997, № 30, ст. 3590.

5. Чудин, Н.М. Специальное предупреждение преступлений в деятельности службы судебных приставов / Н.М. Чудина // Вестник Пермского университета, 2013. Выпуск 2(20). Юридические науки. – С. 267.

THE LEGAL BASIS FOR THE FUNCTIONING OF THE OFFICE OF THE FEDERAL BAILIFF SERVICE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE PENZA REGION

F.N. Baybikov

*Office of the Federal Bailiff Service
The Russian Federation across the Penza region
Penza, Russia*

The article describes of the legal basis for the functioning of the territorial agency of the Federal Bailiff Service of the Russian Federation on the example of the Office of the Federal Bailiff Service of the Penza region.

Keywords: bailiff, public service, law enforcement.

ПЕНЗЕНСКИЙ ГОРОДСКОЙ СОВЕТ И НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В 1930-е ГОДЫ

В.А. Власов

*ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет»,
г. Пенза, Россия*

В статье рассматривается деятельность Пензенского городского совета по развитию народного образования в 30-е годы XX века. Особо выделены вопросы введения всеобщего начального образования и ликвидации неграмотности населения.

Ключевые слова: Пензенский городской совет, всеобщее начальное образование, ликвидация неграмотности.

В 1930-е годы в города в массовом порядке приезжали жители сельской местности с низким уровнем грамотности или вообще неграмотные. Техническое перевооружение народного хозяйства, освоение новых производств требовали наличия образованных кадров, способных работать на современном оборудовании. Не случайно одним из важных направлений работы городских советов в сфере социально-культурного строительства было руководство осуществлением всеобщего обязательного начального обучения и ликвидация неграмотности и малограмотности трудоспособного взрослого населения.

В годы первой пятилетки партия и правительство приняли ряд постановлений о школе. Одним из них было постановление ЦК ВКП(б) от 25 июля 1930 года «О всеобщем обязательном начальном обучении», согласно которому оно вводилось для детей в возрасте 8–10 лет. Кроме того, с 1930–1931 годов предусматривалось распространение всеобщего начального обучения на подростков от 11 до 15 лет, а в 1931–1932 годах – на детей 11 лет. Всеобщее обязательное обучение вводилось в промышлен-

ных городах, фабрично-заводских районных и рабочих посёлках в объёме школы-семилетки [3, с. 121].

Для проведения в жизнь постановлений партии и правительства на родителей и граждан, их заменявших, учреждения, на попечении которых находились дети указанных возрастов, была возложена ответственность за отправку детей в школы. Заботу об обучении всех беспризорных и сирот, не состоявших на чьём-либо иждивении, а также об умственно и физически отсталых возложили на органы народного образования. Горсоветы отвечали за снабжение детей учебниками, пособиями, горячими завтраками, организацию подвоза детей к школам из отдалённых пунктов и т.д. [4, с. 258].

С середины 1930-х и до конца 1950-х годов главной задачей являлось осуществление неполного среднего образования детей и подростков. Согласно постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 года, в целях обеспечения чёткой организационной структуры и порядка в школе на территории СССР открывались следующие типы общеобразовательных школ: начальные (4 года обучения), неполные средние (семилетки), полные средние (десятилетки), а также школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ), где учащиеся получали общеобразовательные знания примерно в объёме семилетки. Роль средних учебных заведений исполняли рабочие факультеты и техникумы. Окончившие неполную среднюю школу имели право преимущественного поступления в техникумы, а окончившие полную среднюю школу – в вузы [3, с. 121].

Деятельность центральных и местных органов власти (городских советов и др.), общественных организаций по ликвидации неграмотности и малограмотности осуществлялась в двух направлениях: 1) вовлечение детей школьного возраста во всеобщее обязательное начальное обучение и т.д.; 2) ликвидация неграмотности и малограмотности, повышение образовательного уровня взрослого населения. Из дополнения к инструкции по учёту неграмотных и малограмотных от 17 апреля 1936 года следует, что неграмотными считались совершенно неграмотные или знавшие только буквы, но не умевшие читать и писать, а малограмотными – умевшие читать и писать без массового пропуска букв, знавшие нумерацию в пределе 1000, письменное сложение

и вычитание только трёхзначных чисел, умножение и деление лишь на однозначное число.

В годы первых пятилеток сеть образовательных учреждений постоянно расширялась. Число школ в Пензе возросло с 22 в 1926 г. до 34 школ в 1935 г. Число учащихся выросло с 12 тыс. до 29 тыс. человек. [1, д. 2387, лл. 1,5]. Всеобщее обязательное начальное обучение введено как в городе, так и в сельском районе. В пятые классы переходили все окончившие начальную школу, а в восьмые – 50 % учеников, окончивших семилетку. В Пензе работало 12 техникумов, два рабочих факультета, 5 детских домов на 440 человек.

Из-за значительного роста детского контингента учебным заведениям не хватало помещений. Например, в середине 1930-х годов в Пензе и других городах на каждого ученика приходилось чуть больше 1 кв. м площади, а в некоторых случаях ещё меньше. Норма же составляла 3 кв. м на одного человека. Положение осложнялось ещё и тем, что многие здания, в которых ранее размещались учебные заведения, были переданы другим учреждениям. Так, здание бывшей второй мужской гимназии Пензы (320 кв. м) было занято конвойной ротой, здание бывшего третьего высшего начального училища (1100 кв. м) – ЖАКТом № 234, бывшего первого высшего начального училища (1200 кв. м) – Леспромхозом, восьмого начального училища (1000 кв. м) – Московско-Казанской железной дорогой, девятого начального училища (4000 кв. м) – почтой и телеграфом, бывшего общежития духовной семинарии (3000 кв. м) – ЖАКТом № 313, другое её здание (5500 кв. м) – домом матери и ребёнка и т.д. В результате отдел народного образования Пензы потерял 17420 кв. м площади. При условии её возвращения гороно в 1934–1935 годах потребность школ в помещениях могла быть удовлетворена сразу на 68 %. Однако лишь незначительную часть зданий удалось вернуть учебным заведениям.

В итоге из 31 начальной и средней школы Пензы в указанный период специальные здания занимали только 23 (74,2 % от общего количества школ), а остальные 8 размещались в непригодных под учебные заведения помещениях. Здания семи из 17 средних и восьми из 14 начальных школ требовали капитального ремонта, а остальные 16 – текущего. Кроме того, они

были переполнены. В 12 из 14 начальных школ занятия проводились в две смены. Только в пяти школах города дети учились в одну смену [2, лл. 26–28].

Среди учителей города Пензы 79 человек (9 %) имели незаконченное среднее образование, 629 человек (71,5 %) – среднее, 44 (5 %) – незаконченное высшее и 106 (12 %) – высшее. У 69 педагогов из 880 (7,8 %) был стаж работы в школе менее 1 года, у 204 (23,2 %) – от 1 до 3 лет, у 101 (11,5 %) – от 4 до 5 лет, у 104 (11,8 %) – от 6 до 10 лет, у 121 (13,8 %) – от 11 до 15 лет и у 281 (31,9 %) – свыше 15 лет [2, лл. 33–34]. Таким образом, у большинства учителей Пензы в середине 1930-х годов было среднее образование. Примерно две трети учителей имели значительный опыт работы в школах.

Положительную роль в ликвидации неграмотности сыграло постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 16 января 1936 года «О работе по обучению неграмотных и малограмотных», которое ставило задачу в течение 1936–1937 гг. полностью обеспечить ликвидацию неграмотности среди трудящихся в возрасте до 50 лет [5, с. 387–388]. Оно обязывало Наркомпрос СССР и Наркомпросы республик, а также областные отделы народного образования обучить по стране в 1936 году 4 млн. неграмотных и 3 млн. малограмотных. Для более успешного осуществления этих мероприятий при городских, районных и сельских советах были созданы секции по ликвидации неграмотности и малограмотности.

Согласно постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 января 1936 года, горсоветы установили систематический контроль за работой отделов народного образования, оказывали им помощь в организации образовательной работы среди взрослых, обеспечивали мобилизацию общественности на борьбу за всеобщую грамотность населения. Председатели горсоветов отвечали за обеспечение школ неграмотных и малограмотных помещениями и оборудованием (парты, классные доски и т.д.).

По данным на 1 июня 1936 года, в Пензе было 22 школы для взрослых, в которых удалось сформировать 265 групп. В этом году в них учились 1262 неграмотных и 4732 малограмотных жителя. В результате план президиума Пензенского горсовета по обучению первых был выполнен на 69,3 %, а по обучению вторых – на 78,7 % [1, ф. р-2038, оп. 1, д. 60, л. 43].

На заседаниях президиума горсовета неоднократно обсуждались вопросы о ходе ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослых, заслушивались выступления представителей гороно. Так, на заседании президиума Пензенского горсовета от 22 марта 1939 г. отмечалось, что, несмотря на ряд достижений, в целом работа по завершению ликвидации неграмотности в городе проводилась ещё неудовлетворительно. Выяснилось, что из 3508 учтённых неграмотных курс обучения прошли только 2244 человека, то есть 64 % от общего количества неграмотных [1, ф. р-2038, оп. 1, д. 60, л. 43].

Литература

1. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. р-453. Оп. 1.
2. ГАПО. Ф. п-37. Оп. 1. Д. 421.
3. КПСС в резолюциях... М., 1985. Т. 5.
4. Культурное строительство в Пензенском крае. 1917–1938 гг.: Документы и материалы. Саратов, 1986.
5. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа: Сборник документов. 1917–1937 гг. М., 1974.

PENZA CITY COUNCIL AND CIVIC EDUCATION IN 1930-ies V.A. Vlasov

*FSBEI HPE «Penza State University»
Penza, Russia*

This article deals with activities of the Penza City Council on the development of public education in 30-ies of the twentieth century. Highlighted issues the introduction of universal primary education and elimination of illiteracy.

Keywords: Penza City Council, universal primary education, elimination of illiteracy.

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1905–1915 гг .

К.Г. Гаврилов, А.А. Павлова

*ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет»,
г. Пенза, Россия*

Изучаются признаки и особенности формы правления в Российской империи в 1905–1915 гг. Ставится под сомнение тезис о конституционном характере Российской монархии в 1907–1915 гг. Выдвигается предположение о том, что в рассматриваемый период был представлен переходный тип между абсолютной и конституционной монархией – дуалистическая монархия со значительным абсолютистским компонентом.

Ключевые слова: Третьеиюньская монархия, форма правления, история государства и права.

Форма правления позволяет определить сущность государственной власти и правовую основу политического режима в стране. Период 1905–1917 гг. является переломным и неоднозначным в истории России, из-за чего возникает проблема точного определения формы правления на этом этапе государственного развития.

Историография данного периода российской истории весьма обширна. Следует выделить фундаментальные работы А.Я. Авреха [1], Г.П. Волгиревой [4], Н.А. Дунаевой [7]. Но данные работы, впрочем, как и автор термина «третьеиюньский режим» [6], тяготеют к экономическому детерминизму и не уделяют должного внимание анализу политико-правовой составляющей. Хорошо проработаны вопросы политического развития изучаемого периода [8]. Подробно исследован аспект Столыпинских преобразований, внутренней политики под руководством П.А. Столыпина и даже его личностные качества [10, 11]. К сожалению, правовой аспект развития России в межреволюционную эпоху исследован недостаточно.

На протяжении XIX века высказывались обоснованные мнения либеральной общественности за ограничение абсолютной самодержавной власти монарха, предложения по реформированию государственной системы на основе принципа народовластия, но существенных действий властей, направленных на удовлетворение таких требований, не наблюдалось [13]. Тем временем социальная напряжённость всё более возрастала. Обстановка крайне обострилась к началу XX века. Первым ярким выражением этого стала Революция 1905 г., когда за революционное изменение существующего положения выступили не только малообеспеченные слои населения, но и представители интеллигенции и буржуазии, требующие их реального вовлечения в управление страной. На такую массовую акцию протеста Николай II отреагировал изданием 6 августа 1905 г. Манифеста об учреждении Государственной Думы в России. Согласно ему, в стране создавалась Государственная Дума, но лишь с законосовещательными правами. Провозглашённые выборы в представительный орган не были всеобщими, равными, прямыми. Такие перемены не удовлетворили общественные массы. Волнения и недовольства не утихали, а усиливались.

Для того чтобы стабилизировать ситуацию, 23 апреля 1906 г. император был вынужден утвердить, по сути, Конституцию страны – Основные государственные законы. Согласно им, в России был учреждён двухпалатный парламент – Государственный Совет и Государственная Дума с законодательными правами, осуществление исполнительной власти и право налагать абсолютное вето на законы принадлежало царю. Анализ закреплённых положений позволяет сделать вывод, что в стране утвердилась дуалистическая монархия. В теории и на практике этот вид монархии признаётся переходным от абсолютной к парламентарной, или конституционной, монархии. Но тип дуалистической монархии, установившийся в России на данном этапе, несколько отличается от классического варианта. Идеальный дуализм состоит в том, что монарх не может принять политическое решение без согласия парламента, а парламент – без согласия монарха, власть фактически разделена между парламентом и монархом. В российской действительности слабость и зависимость законодательного органа от исполнительной власти позволили императору

ру по-прежнему, как при абсолютизме, обладать всей широтой полномочий и руководить всей властью в стране.

По мнению выдающихся общественных деятелей того времени М.М. Ковалевского и Б.Н. Чичерина, лучшей формой государственного устройства, наиболее приемлемой для России, является именно конституционная, парламентарная монархия. Народное представительство, полагал Б.Н. Чичерин, при этом будет не помехой, а опорой и поддержкой правительству. Благодаря представительству, «власть приобретёт новые силы», ибо сможет яснее видеть состояние общества, глубже вникнуть в его потребности, сможет действовать решительнее, опираясь на доверие народа и на общую готовность поддерживать меры, одобренные выборными людьми» [2, с. 40].

Размышляя над тем, могла ли Россия в XX веке, идя по пути демократических реформ, избежать революционных потрясений и стать конституционной монархией, думается, вернее ответить нет, чем да. Растерянное правительство, по замечанию П.Н. Миллюкова, продолжало быть связано в своих попытках пойти навстречу хотя бы более умеренной части общества «непреклонной волей» монарха [3, с. 272]. По словам видного философа Н.А. Бердяева, «разложение императорской России началось давно, ко времени революции старый режим совершенно разложился, исчерпался и выдохся; нельзя даже сказать, что февральская революция свергла монархию в России, монархия в России сама пала, её никто не защищал, она не имела сторонников» [9, с. 109]. Не перестав быть самодержавной, власть не могла предотвратить своей гибели. Причины гибели абсолютизма в России – в невозможности для него приспособиться к требованиям жизни, в неспособности внять зову и духу времени, в неосуществимости для него мирного раздела власти [15, с. 57]. И в итоге, нерешенность политически-правовой проблемы по конструированию адекватной формы правления для Российской империи в начале XX века привела к краху государства, послужила причиной нестабильности не только в политической сфере во всей Российской истории первой трети XX века, но и стала одной из причин нестабильного культурного и социального развития нашей страны в первой трети XX века [5, 12, 14].

Таким образом, говорить о том, что в России в 1905–1917 гг. была оформлена конституционная монархия, как полагают неко-

торые исследователи, представляется, не совсем верным. Так же, как не совсем верно говорить о том, что в России на этом этапе оформилась дуалистическая монархия. Этот период был уникальным, его сложно понять и вместить в общепринятые юридические рамки. Тема определённо требует дальнейшего изучения. Авторы же данной статьи склоняются к тому, что в рассматриваемый период был представлен переходный тип между абсолютной и конституционной монархией – дуалистическая монархия со значительным абсолютистским компонентом – неустойчивая конструкция, которая либо эволюционирует в конституционную монархию, либо рушится, и свершается революция. Предложенное уточнение позволит наиболее точно использовать терминологию, более достоверно проводить сравнительное исследование с другими странами, выделять аспекты, важные именно для российской государственности, давать правильную характеристику многим политическим и правовым явлениям, происходящим в России в начале XX века.

Литература

1. Аврех, А.Я. Царизм и третьеиюньская система / А.Я. Аврех. – М.: Наука, 1966. – 181 с.
2. Бердяев, Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н.А. Бердяев // Париж: YMCA-Press, 1955. – 157 с.
3. Вишняк, М.В. Два пути (Февраль и Октябрь) / М.В. Вишняк // Париж: Современные записки, 1931. – 586 с.
4. Волгирева, Г.П. Земельные реформы начала и конца XX века в России / Г.П. Волгирева // Томск: Демос, 2014. – 203 с.
5. Гаврилова, Т.В. Художественная интеллигенция и художественная культура Пензенского края в 1920-е–1930-е гг. / Т.В. Гаврилова // Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Пенза, 2007. – 266 с.
6. Дубровский, С.М. Третьеиюньская монархия и реформы Столыпина. Стенограмма лекции проф. С.М. Дубровского, прочитанной 1 и 3 октября. Л., 1936.
7. Дунаева, Н.А. Модернизационные процессы в Поволжской деревне в 1907–1917 годах / Н.А. Дунаева // Ульяновск: Изд. Качалин Александр Васильевич, 2012. – 281 с.

8. Костюченко, И.Ю. Кадеты и третьиуноньская политическая система / И.Ю. Костюченко // Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1993. – 213 с.

9. Милюков, П.Н. Воспоминания (1859–1917) / П.Н. Милюков // Том первый. М.: Современник, 1990. – 446 с.

10. Пожигайло, П.А. П.А. Столыпин. Программа реформ: документы и материалы: в 2-х т.: [посвящается 150-летию со дня рождения П. А. Столыпина] / Фонд изучения наследия П. А. Столыпина, Российский гос. исторический архив. М.: РОССПЭН, 2011.

11. Сафронов, С.А. П.А. Столыпин: реформатор на фоне аграрной реформы / С.А. Сафронов // Монография в 2-х т. Красноярск: СФУ, 2015.

12. Семина, Н.В. Борьба с детской беспризорностью в 1920-е – 1940-е годы в России (на примере Пензенского региона) / Н.В. Семина // Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Пенза, 2007. – 283 с.

13. Таганцев, Н.С. Пережитое. Учреждение Государственной Думы в 1905–1906 гг. Пг.: 18-я гос. тип-я, 1919. – 224 с.

14. Федосеева, Л.Ю. Современная региональная историография проблем художественной интеллигенции 1920–1930-х гг. / Л.Ю. Федосеева // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. – 2011. – № 23. – С. 601–606.

15. Чичерин, Б.Н. О народном представительстве / Б.Н. Чичерин. – М.: Типография Грачева и Комп., 1866. – 563 с.

THE PROBLEM OF DETERMINING THE FORM OF GOVERNMENT OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE 1905-1915 BIENNIUM

K.G. Gavrilov, A.A. Pavlova

*FSBEI HPE «Penza State University»
Penza, Russia*

The article investigates the characteristics and features of the form of polity in the Russian Empire in 1905–1915. The thesis of the constitutional nature of the Russian monarchy in the 1907–1915 is debated. It is assumed that in the studied period a transitional type between absolute and constitutional monarchy was presented – dual monarchy with a significant component of the absolutism.

Keywords: «June Third» monarchy, form of government, the history of the state and law.

УДК 908

РАЗВИТИЕ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ В 1930-е гг.

Т.В. Гаврилова

*ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет»
г. Пенза, Россия*

В статье анализируется процесс развития музыкальной культуры в провинциальном городе и окружающем его регионе. Выявляется характерная для музыкальной культуры Пензенского края 1930-х гг. преемственность традиций дореволюционной и советской России, а также влияние общих культурных тенденций, определявшихся идеологическими целями государства.

Ключевые слова: музыкальная культура, советская идеология, самодеятельность.

Тридцатые годы XX века – сложный и интересный период в истории провинциальной художественной культуры. С одной стороны, жизнь музыкального сообщества Пензенского края отражает все основные культурные и эстетические тенденции, свойственные российской культуре в целом: непростой процесс становления социалистического реализма, преодоление традиций абстрактного музыкального искусства, решение противоречий между тяжелыми бытовыми условиями существования и верой в будущие успехи. Основной тренд культурной жизни провинции того времени – это отражение в музыкальном творчестве темы

развития, процветания и величия молодого социалистического государства.

С другой стороны, хроника музыкальной жизни провинциального города в Среднем Поволжье может служить прекрасной иллюстрацией социально-экономического развития региона – тяготы быта, идеологизированность многих сторон жизни, повышенное общественное внимание к частным проблемам индивида, успехи культурного строительства.

Завершение НЭПа для музыкальной общественности Пензенского края ознаменовалось инициативами по созданию организации, подконтрольной государству. В 1928 году в Пензе основывается музыкальное общество, выразившее свою основную цель в лозунге «Музыку – в массы». Девиз «Музыку – в массы» Музыкальное общество активно претворяло в жизнь. В составе получивших распространение в начале 1930-х годов бригад «легкой художественной кавалерии» (военная терминология к этому времени прочно вошла в лексику культурной жизни) преподаватели, учащиеся музыкального техникума обслуживали в дни «культштурмов» предприятия города и пригородные села художественными постановками. Один из таких «культштурмов» состоялся в январе 1931 года. Его задачей было приобщение к культурной жизни рабочих городских предприятий, крестьян, колхозников. 25 января, например, бригады «кавалерии» провели 14 выступлений на предприятиях города, в кинотеатрах, в Доме крестьянина. После городского «штурма» все бригады «кавалерии» выехали на 20 дней в села [6, 27 января].

Темпы работы «штурмовиков» вполне соответствовали понятию «штурм». В течение двух с половиной дней конца января 1931 года 9 бригад «легкой кавалерии» обслужили художественными постановками и выступлениями 7248 человек [6, 1 февраля].

Большую роль в распространении музыкальной культуры играл Государственный Передвижной театр оперы и балета Средне-Волжского края. Ежегодными были его гастроли на Пензенской земле. В августе 1931 года его спектакли шли с участием артистов московских государственных оперных театров [6, 1 августа]. Впервые пензенский зритель услышал оперы «Майская ночь» Римского-Корсакова, «Мазепа» Чайковского, «Флория-Тоска» Пуччини. Кроме классического репертуара, театр пред-

ставил и оперы советских композиторов «Северный ветер» Книппера, «Прорыв» Потоцкого, а также балет «Красный мак», «Лебединое озеро» и ряд других [6, 1 августа].

Из Пензы театр выехал в Кузнецк. Местная газета «Кузнецкая Правда» писала по окончании гастролей: «Пребывание оперы в Кузнецке может быть отмечено как лучшее во всем театральном году. ... Опера себя зарекомендовала так, что кроме «добро пожаловать», ничего не скажешь» [1, Д. 123, Л. 5 об.].

8 декабря 1933 года директор театра, неутомимый Ф. П. Вазерский, направил в ЦК союза Рабис инициативное письмо. В нем говорилось: «Государственный Передвижной театр оперы и балета Средне-Волжского края вызывает на соревнование все музыкальные хоровые кружки и оперные театры на сочинение для местных партконференций к XVII партсъезду кантаты, красноармейской песни, рабочей песни и двух песен нацменьшинств. Срок с 20 декабря по 5 января» [1, Д. 122, Л. 3].

22 мая 1934 года горожане услышали прекрасное колоратурное сопрано солистки краевой оперы Надежды Николаевны Самышиной, исполнявшей главную партию в опере «Травиата» в постановке Пресмана. Кроме того, были представлены оперы «Демон», «Евгений Онегин» и «Борис Годунов» [7, 2 июня]. 3 июня театр поставил «Сивильского цирюльника» в колхозном клубе села Чемодановка. Перед каждым действием художественный руководитель и режиссер Пресман давал пояснения о музыкальном содержании оперы, и она «была неплохо понята колхозниками» [7, 12 июня].

Большое внимание уделялось развитию художественной самодеятельности. В рабочих клубах ставились музыкальные спектакли и даже оперы. Например, драматический и хоровой коллективы Дома культуры завода им. М. В. Фрунзе поставили в 1936 году оперетту «Колокола Корневиля», [2, 4 сентября] оперу «Русалка» [2, 2 августа].

В августе 1936 года прошел смотр художественной самодеятельности на заводе им. М. В. Фрунзе. Около 500 человек продемонстрировали свое мастерство в различных областях искусства. По его итогам были премированы 143 человека [1, Д. 11, Л. 9. В 1938 году на заводе было уже 700 участников самодеятельности. Среди талантливых рабочих – артистов завода были популярны имена Мокшанцевой, Ткаченко, Шумилина, Малыхина, Офицера, Корбашева, Цвирко и др. [1, Д. 100, Л. 1].

В июле 1936 года в Куйбышев приезжала бригада Московского Большого академического театра для выявления наиболее способных певцов, музыкантов и танцоров из числа участников заводских и колхозных кружков художественной самодеятельности. 31 июля выезжали на испытания лучшие солисты самодеятельного кружка Дома культуры завода имени М. В. Фрунзе – исполнители оперы Даргомыжского «Русалка» – Л. Андреева, О. Стразова, З. Мокшанцева и др. [2, 2 августа].

Осенью 1935 года ездил на испытания в Московскую консерваторию и санитар лечебницы для нервно-больных И. Мякиньюков. Профессора сказали, что у него прекрасный, мягкий лирический тенор. Но ему было уже 32 года. Образование его – колхозника из Терновки – всего 4 класса сельской школы. Если поступить на подготовительный курс консерватории, то пришлось бы затратить на учебу 6–7 лет. Только к 40 годам он получил бы высшее музыкальное образование. И. Мякиньюков вернулся к учебе в Пензенском музыкальном техникуме, где в 1936 году он учился на втором курсе. Почти каждую декаду в Красном уголке лечебницы студенты и преподаватели Музыкального техникума устраивали концерты, непременным участником которых являлся санитар И. Мякиньюков. Был в то время в лечебнице и другой певец с хорошим баритоном – санитар Дубовницкий. Вместе с Мякиньюковым он исполнял дуэты и романсы. Врач лечебницы З. О. Олейникова назвала музыку одним из наилучших факторов для лечения своих пациентов [2, 2 февраля].

Большое внимание уделялось в Пензенском крае музыкальному просвещению рабочих, крестьян, колхозников.

Коллектив Куйбышевской музыкальной комедии в январе 1936 года организовал бесплатное обслуживание рабочих пензенских предприятий. Артисты дали концерты для рабочих завода им. М. В. Фрунзе, типографии «Рабочей Пензы», мебельной и бисквитной фабрик, а также для красноармейцев военного городка [1, Д. 11, Л. 3]. 30 спектаклей дал театр в Пензе и округе во время своих гастролей в августе – сентябре 1936 года [1, Д. 100, Л. 12].

Приобщали к музыкальной культуре и детей. 17 июля 1936 года во Дворце пионеров состоялся концерт И. А. Тимофеева (бас), бывшего колхозника-конюха, окончившего в этом же году Музыкальный техникум с квалификацией оперного певца. Он исполнил 16 произведений русских и иностранных композиторов. Как отмечала «Рабочая Пенза», особенно удались ему ария Гре-

мина из оперы Чайковского «Евгений Онегин» и «Клевета» из оперы Россини «Сивильский цирюльник» [1, Д. 100, Л. 8]. Оперный певец не случайно выступал перед школьниками: в это время во Дворце пионеров начала работать собственная оперная студия. В дни зимних каникул 1937 года школьники поставили детскую оперу Виклинка «Гуси-Лебеди» [1, Д. 100, Л. 72].

Бывали в Пензе и зарубежные гости. Большим музыкальным событием становились гастролы известного Нью-Йоркского артиста-тенора Сергея Радамского. Радамский в 1910 году, юношей, уехал из России. Закончив свое музыкальное образование в Германии, он отправился в Италию, где в течение пяти лет изучал старо-итальянскую школу пения (бель-канто) под руководством лучших мировых певцов. С 1918 года пел в Нью-Йоркской опере. Радамский выступал с большим успехом в Чикаго, Филадельфии, Бостоне, Лондоне, Париже, Милане и Риме. Советские музыкальные критики отмечали Радамского как выдающегося мастера с изумительной техникой, чистотой и разнообразием интонаций и большим темпераментом. По отзывам прессы, советских учреждений и общественных организаций тех лет, концерты Радамского имели большую художественную ценность [5, 1 декабря]. Пензенская публика с восторгом воспринимала выступления талантливого соотечественника.

13 февраля 1937 года в Пензенском городском театре с большим успехом прошел концерт известной негритянской певицы Коретти Арле-Тиц. Пензенскому зрителю камерная певица уже была знакома по гастролям 1930 года. В ее исполнении прозвучали песни западноевропейских и русских композиторов, народные песни американских негров [3, 15 февраля].

11–12 декабря 1938 года в Доме культуры им. Кирова состоялись концерты оркестра народных инструментов им. В. В. Андреева. По инициативе Всесоюзного комитета по делам искусств, оркестр совершал турне по городам Советского Союза, празднуя 50-летний юбилей со дня организации. Оркестр был организован талантливым музыкантом в 1888 году. Осенью 1918 оркестр был на фронтах гражданской войны и выступал перед красноармейцами. В 1923 году правительство присвоило оркестру наименование «Государственного оркестра народных инструментов им. Андреева».

В 1936 году Всесоюзный комитет по делам искусств при Совнаркоме СССР организовал при Ленинградской государ-

ственной филармонии оркестр народных инструментов. Из небольшого любительского кружка оркестр вырос до 60 исполнителей, среди которых многие работали в нем более 40 лет [4, 11 декабря]. Программа его концерта в 1938 году в Пензе была составлена из произведений советских, русских и западноевропейских композиторов.

Не забывали Пензу и бывшие учащиеся Музыкального техникума. В феврале 1937 года здесь побывали с концертами пианистка Ольга Рудницкая и скрипач Анатолий Блим [3, 11 февраля]. В 1938 году О. Рудницкая приезжала в Пензу, уже будучи выпускницей Ленинградской консерватории [4, 15 февраля].

В июне 1938 года Пензу посетил молодой композитор, доцент Военно-воздушной Академии им. Жуковского, уроженец Пензы Георгий Крейтнер. До 1925 года он жил в Пензе, учился в Музыкальном училище. Позже, в Москве окончил Музыкальный техникум им. Скрябина и институт востоковедения им. Нариманова. К моменту посещения им Пензы, он уже являлся автором ряда популярных песен, хоров, романсов, музыкальных пьес, оперы «Гибель Пушкина». С 1938 года композитор был одним из руководителей оперной секции Союза советских композиторов [4, 8 июля].

Как видим, музыкальная жизнь Пензенского края 1930-е годы была весьма насыщенной. Музыкальная культура находилась на высоком уровне. Здесь были собственный симфонический оркестр, оркестр народных инструментов, собственная опера, студия пластических танцев. Объединяющим началом являлось Музыкальное общество, созданное в 1928 году, и прилагавшее значительные усилия к распространению музыкальной культуры в массах. Сюда систематически приезжали на гастроли известные певцы и музыканты из Москвы, Ленинграда и других городов.

В музыкальной культуре Пензенского края особенно заметна преемственность культурных традиций дореволюционной и советской России. В то же время в ней велико было влияние общих культурных тенденций, определявшихся партийными установками на воспевание достижений социализма.

Литература

1. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р-2389. Оп. 1.
2. Рабочая Пенза. 1936.

3. Рабочая Пенза. 1937.
4. Рабочая Пенза. 1938.
5. Трудовая правда. 1929.
6. Трудовая правда. 1931.
7. Трудовая правда. 1934.

THE DEVELOPMENT OF MUSICAL CULTURE IN PENZA REGION IN THE 1930 s.

T.V. Gavrilova

*FSBEI HPE «Penza State University»
Penza, Russia*

The article analyzes the development of musical culture in a provincial town and the surrounding region. The continuity of pre-revolutionary and Soviet Russia traditions as well as the influence of the general cultural trends, determined by the state ideological objectives, is revealed as characteristic to the musical culture of the Penza region in the 1930s.

Keywords: musical culture, soviet ideology, amateur performances.

УДК 355.257.72

ЗАБОЛЕВАЕМОСТЬ И ОРГАНИЗАЦИЯ МЕДПОМОЩИ В ЛАГЕРЕ ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОПЛЕННЫХ № 399

В.Ю. Кладов

*МУК «Музейно-выставочный центр» г. Заречного
Пензенской области, Россия*

В статье рассматривается заболеваемость и организация медицинской помощи военнопленным лагеря №399, в 1945-1950 гг. дислоцированного на территории Пензенской, Ульяновской и Куйбышевской областей.

Ключевые слова: лагерь военнопленных, лагерное отделение, лагерный пункт, заболеваемость, смертность.

Лагерь для иностранных военнопленных №399 был сформирован на основании приказа НКВД СССР №00894 от 27 июля 1945 г. Он должен был обеспечить рабочей силой Строительство №1, занимавшееся постройкой автомагистрали «Москва-Куйбышев».

Организация строительства была возложена на Главное управление шоссейных дорог НКВД (ГУШОСДОР). Повседневная жизнедеятельность лагеря находилась под наблюдением Главного управления по делам военнопленных и интернированных. Серьезный контроль за физическим состоянием военнопленных диктовался необходимостью их интенсивного трудового использования. Министр внутренних дел СССР С.Н. Круглов так обрисовывал текущие задачи перед органами внутренних дел: «Если лагерь работает нормально, физическое состояние военнопленных не ослабляется, смертности и заболеваний нет, все военнопленные работают и выполняют нормы, тем самым государству возмещается не только стоимость их содержания, но и создаются большие материальные ценности. Это для нашего государства очень существенно...» [1] Руководство страны хорошо осознавало, что производительность труда военнопленных находилась в обратной зависимости от уровня их заболеваемости и смертности. Поэтому ГУПВИ осуществлялся строгий медицинский контроль за трудовым использованием спецконтингента. По итогам анализа медико-статистических показателей разрабатывались профилактические и оздоровительные меры с целью максимального сохранения трудовых ресурсов. Однако в большей степени здоровье военнопленных зависело от конкретных условий их содержания, а также от действий лагерного начальства.

С первых дней же после образования лагеря №399 его руководство оказалось в затруднительном положении. Массовое поступление военнопленных осуществлялось в условиях отсутствия необходимой жилищно-бытовой инфраструктуры. Поэтому осенью и зимой 1945 г. контингент большинства лаготделений вынужденно размещался в летних армейских палатках. Непригодность жилого фонда к проживанию в зимних условиях спровоцировала быстрый рост простудных заболеваний. Санитарные последствия войны также не были окончательно ликвидированы, и эпидемическая обстановка в Пензенской области оставалась крайне неблагоприятной. Среди гражданского населения распро-

странялись острозаразные заболевания: брюшной тиф, дизентерия, скарлатина и т. п. С учетом невозможности прекращения контактов с местными жителями, неудивительно, что именно в период с октября 1945 г. по апрель 1946 г. заболеваемость и смертность военнопленных достигли максимальных показателей за все время деятельности лагеря №399.

Таблица 1 – Заболеваемость и смертность военнопленных лагеря № 399 в 1945–1946 гг. [2]

	IX.45	X.45	XI.45	XII.45	I.46	II.46	III.46	IV.46	V.46	VI.46	VII.46
Лазаретных больных	-	-	-	-	1037	2394	2122	1881	906	714	360
Смертных случаев	9	109	204	257	161	199	248	103	37	8	4

Ухудшению состояния здоровья военнопленных способствовали тяжелые физические нагрузки. Основная часть спецконтингента использовалась на дорожно-строительных работах. Не менее изнурительными были и вспомогательные занятия: добыча каменных материалов, бойка щебня, заготовка древесины, строительство и эксплуатация промышленных заводов, возведение мостов и плотин. Работы производились вручную, без какой-либо механизации. Нельзя забывать и о том, что большинство из поступавших в лагерь пленных находились в ослабленном состоянии, что в условиях интенсивных трудовых нагрузок приводило к их быстрому физическому истощению. До 60 % всех военнопленных, умерших в 1945–1946 гг., составляли больные дистрофией и сопутствующими ей заболеваниями. В последующие годы «дистрофики» также являлись наиболее крупной по численности группой лазаретных больных (в 1946 г. – 40,9 %, в 1947 г. – 32,7 %) [3].

Как правило, к месту проведения работ военнопленных доставляли на автомашинах. Однако в ряде лаготделений из-за недостатка транспортных средств пленные ежедневно пешком преодолевали расстояния от 5 до 8 км. Рабочий день при этом мог удлиняться до 12–14 часов в сутки [4]. Ситуацию усугубляли малая пищевая ценность продпайка и длительные задержки в снаб-

жении лагеря продуктами, что ощутимо сказывалось на калорийности питания.

Начиная с апреля 1946 г. ситуация в лагере начала выправляться. Все пленные были размещены в жилых помещениях: землянках и полуземлянках, наземных бараках и деревянных домах. Постепенно устранялись перебои в снабжении лаготделений продовольствием. Формировалась медицинская инфраструктура: в с. Махалино был построен центральный лазарет на 600 коек; в пос. Пачелма, г. Кузнецке и г. Нижнем Ломове заработали спецгоспитали для военнопленных. В лагерных отделениях возводились стационары, в лагерных пунктах – фельдшерские амбулатории и изоляторы. Развитие медицинской инфраструктуры и улучшение санитарно-бытовых условий содержания и рациона питания вели к улучшению физического состояния пленных. Удалось добиться заметного уменьшения заболеваемости и смертности. Так, если в апреле 1946 г. в лагере умерло 103 чел., то в декабре – всего 7. Однако поспешность и непродуманность ряда управленческих решений, принятых в дальнейшем, нивелировали весь достигнутый эффект.

Таблица 2 – Физическое состояние военнопленных лагеря № 399 в 1946–1947 гг. [5]

Группа здоровья	На 1.11.46		На 1.12.46		На 1.01.47		На 1.02.47		На 15.02.47	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
1-й категории	1555	15	1569	15	1070	10,5	1243	12	1246	12
2-й категории	6121	59	5740	55	4903	48	4664	45	3868	38
3-й категории	2218	21,4	2406	23	3165	31	1779	17	1650	16
4-й категории	9	0,09	16	0,15	17	0,16	18	0,17	13	0,13
«ОК»	76	0,7	208	2	340	3,3	1788	17,3	1889	18,5
Больных и дистрофиков	416	4	508	4,9	437	4,3	571	5,5	1154	11,3
Не комиссованных	343	3,3	7	0,07	234	2,3	262	2,5	395	3,9
Итого:	10378	100	10454	100	10166	100	10325	100	10220	100

Вторая волна физической деградации спецконтингента пришлась на зиму 1946–1947 гг. В этом отношении показательна

статистика, приведенная в докладной записке на имя министра внутренних дел генерал-полковника С.Н. Круглова. За указанный период доля иностранных военнопленных с первой категорией здоровья снизилась с 15 % до 12 %, со второй категорией – с 59 % до 38 %. Численность «ОК» (пленных, находящихся в оздоровительных командах) напротив увеличилась с 0,7 % до 18,5 %; дистрофиков и стационарных больных – с 4 % до 11,4 %.

Причиной к резкому ухудшению медико-статистических показателей явился внезапный перенос части работ на новый участок «Сызрань – Куйбышев». Поздней осенью 1946 г. на территории Куйбышевской области были в спешном порядке образованы несколько лагерных пунктов. Их дальнейшая судьба оказалась весьма трагичной, что наглядно проявилось в истории лагпункта «Переволоки».

По указанным выше причинам времени подготовиться к зиме у руководства лагерного пункта не было, поэтому условия содержания военнопленных зимой 1946–1947 гг. были очень тяжелыми. Характеризуя сложившуюся в лагпункте ситуацию, начальник УМВД по Пензенской области полковник Хорьков докладывал руководству ГУПВИ: «Создалось исключительно тяжелое положение с обеспечением военнопленных продуктами питания. В лаготделении нет мяса, рыбы и жиров. Питание осуществляется только за счет муки и крупы... Тяжелое положение с обеспечением топливом. Дров нет... Из 1800 военнопленных, содержащихся в этом лаготделении, 300 человек требуют госпитализации, что в условиях бездорожья трудно осуществить. Больше 50 % рабочего контингента план работ не выполняет. Процент выполнения крайне низкий. Смертность по лаготделению с 1 по 15 февраля составила 13 случаев...» [6].

Полное освоение запланированных ГУШОСДОРом объемов работ являлось возможным только при размещении лагерных пунктов в непосредственной близости от строящейся трассы. Поэтому лагеря военнопленных довольно часто располагались в незаселенной местности, на значительном удалении от железных дорог (до 25–30 км). Осенняя распутица и зимние заносы приводили к серьезным трудностям в продовольственном снабжении. В этом отношении лагпункт «Переволоки» не был исключением. Результатом хронического недоедания военнопленных стала быстрая деградация их физического состояния. Если в декабре

1946 г. нетрудоспособный контингент составлял 44 % от общей численности лагерного населения, то в январе 1947 г. таковых было уже 47 %, в феврале – 56 %, в марте – 80 %. На 1 декабря 1946 г. в лагпункте имелось: военнопленных 1-й категории – 55 чел., 2-й категории – 1015 чел., 3-й категории – 701 чел., «ОК» – 107 чел., стационарных больных и дистрофиков – 85 чел. В феврале 1947 г. стало: 1 категории – 25 чел., 2-й категории – 320 чел., 3-й категории – 397 чел., «ОК» – 473 чел., стационарных больных и дистрофиков – 567 чел. Примечательно, что медицинские работники лагпункта никак не сигнализировали о столь угрожающем положении руководству лагеря, что провоцировало дальнейшее ухудшение обстановки [7].

С учетом тревожных сведений, поступавших из Пензы, руководство ГУПВИ было вынуждено принять незамедлительные меры по исправлению ситуации. Для изучения обстановки на местах и оперативного руководства деятельностью лагеря была произведена мобилизация ответственных работников УМВД по Пензенской области с дальнейшим направлением их в «проблемные» лагерные отделения и пункты.

В ходе произведенных инспекций были выявлены грубые нарушения требований к содержанию военнопленных. Например, зимой 1946–1947 гг. пункты обогрева, обязательные в местах проведения работ на открытом воздухе, функционировали лишь в трех лаготделениях. В остальных случаях данные сооружения либо не были построены, либо возводились наспех и потому своего назначения выполнить не смогли. Итогом неподготовленности лагеря к зимним условиям производства дорожных работ явилось распространение простудных заболеваний. В 1947 г. до 40 % всех лагерных больных умерли от переохлаждения и воспаления легких.

Отмечались многочисленные факты неправильного трудового использования спецконтингента. Вследствие нарушения правил по технике безопасности часто фиксировались случаи травматизма на работах. Так, в ноябре 1946 г. среди военнопленных был зарегистрирован 81 несчастный случай, в декабре – 120, в январе 1947 г. – 76, в феврале – 118. Массово отмечались факты принуждения к работе ослабленного и нетрудоспособного контингента. По причине отсутствия водопровода и нехватки транс-

порта пленные носили воду и дрова вручную, порой на расстояние до 5–7 км.

По итогам проверки руководством ГУПВИ был предпринят комплекс экстренных мер, нацеленных на исправление сложившейся ситуации. В лагере формировались медицинские комиссии, заново проводившие распределение пленных по группам здоровья. Контингент, зачисленный в оздоровительные команды, был сконцентрирован в лаготделениях с наилучшими условиями для отдыха и восстановления здоровья. Всего на протяжении 1947 г. в оздоровительные команды был направлен 6501 чел., т.е. более 60 % от общей численности содержащихся в лагере №399 пленных. Летом 1947 г. было открыто специальное оздоровительное отделение в пос. Ахуны. Больные алиментарной дистрофией и авитаминозами направлялись на излечение в госпиталь №2738 (г. Кузнецк). В лаготделения был доставлен трехмесячный запас продовольствия, дров и вещевого имущества. В результате удалось добиться значительного улучшения ситуации с физическим состоянием военнопленных.

Таблица 3 – Распределение военнопленных лагеря № 399 по группам здоровья [8]

Группы здоровья	1 группа		2 группа		3 группа		4 группа	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
На 2.2.1946	402	5,7	3223	45,9	3296	46,9	107	1,5
На 1.1.1947	1243	16,1	4666	60,6	1779	23	18	0,2
На 1.5.1947	1610	18,7	4560	53	2414	28	8	0,09
На 1.1.1948	1816	27,5	3467	52,6	1284	19,5	15	0,2
На 1.5.1948	2000	30,5	3405	52	1124	17,2	20	0,3
На 1.1.1949	1527	48,2	1542	48,6	88	2,8	14	0,4
На 1.5.1949	1359	41,1	1850	55,9	94	2,8	7	0,2

Однако и в дальнейшем инспекторами ГУПВИ фиксировались случаи нарушений в трудовом использовании контингента лагеря №399. Военнопленным не предоставлялись выходные дни, отмечались факты многочасовой задержки на работах, наруше-

ния режима отдыха и сна. Оздоровительные мероприятия игнорировались начальниками целого ряда лаготделений. Во вновь открываемых лагпунктах («Поселок Вахилово», «Молебный овраг» и др.) по-прежнему не успевали подготовить жилые помещения к зимнему сезону. Все это приводило к новым вспышкам простудных и инфекционных болезней [9].

Таким образом, причиной высокой заболеваемости в лагере №399 на начальном этапе его функционирования являлась неготовность жилищно-бытовой и медицинской инфраструктуры к приему военнопленных. Ухудшению физического состояния контингента пленных способствовало его интенсивное трудовое использование, осуществлявшееся в условиях фактической бесконтрольности руководства лаготделений и пунктов, а также недостаточное питание спецконтингента. В дальнейшем рост лагерной заболеваемости и смертности был обусловлен непродуманностью действий ГУШОСДОРа в сфере организации дорожно-строительных работ. Следует отметить, что исправлению ситуации и последующему восстановлению физического состояния контингента способствовали решительные и эффективные действия руководства ГУПВИ.

Литература

1. Военнопленные в СССР. 1939-1956. Документы и материалы. М., 2000. С. 68.
2. Российский государственный военный архив (далее РГВА). Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 301. Лл. 12-13.
3. Там же. Лл. 63-64.
4. Там же. Ф. 28п. Оп. 2. Д. 24. Л. 11.
5. Подсчитано по: РГВА. Ф. 1п. Оп. 13з. Д. 12. Л. 166.
6. Там же. Лл. 157-158.
7. Там же. Оп. 13з. Д. 12. Л. 169.
8. Подсчитано по: РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 301. Л. 65.
9. Там же. Оп. 22а. Д. 3. Л. 70.

MORBIDITY AND ORGANIZATION OF MEDICAL SERVICE IN A CAMP FOR FOREIGN PRISONERS OF CAMP № 399

V.Y. Kladov

*«Museum and exhibition center» of Zarechny
Penza region, Russia*

The article examines the incidence and organization of medical care to prisoners of the camp № 399, during 1945-1950, stationed on the territory of Penza, Ulyanovsk and Kuibyshev areas.

Keywords: prisoner's camp, camp branch, camp point, morbidity, mortality.

УДК 94 (470)

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО СТУДЕНЧЕСТВА В 1920-Е ГОДЫ (НА МАТЕРИАЛАХ СРЕДНЕЙ ВОЛГИ)

Ю.Н. Коротин

*ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет»,
г. Пенза, Россия*

В статье анализируются меры государства по материальной поддержке национального студенчества в первые годы советской власти. Особое внимание уделяется рассмотрению вопроса о критериях, являвшихся существенными при принятии решения учебным заведением об оказании финансовой помощи студентам.

Ключевые слова: национальное студенчество, стипендия, стипендиальная комиссия.

Первое десятилетие после революции 1917 г. были временем тяжелых испытаний для национальной учащейся молодежи Среднего Поволжья. Объективно это было связано как с незащи-

щенностью студенчества как социального класса, так и бедственным положением государства в целом. Материальное положение молодежи не раз становилось предметом обсуждения на совещаниях в различных инстанциях. На заседаниях Самарского Оргбюро ЦК РКП (б) отмечалось, что национальное студенчество испытывает крайнюю нужду в материальных средствах, которую вынуждено компенсировать, работая ночными сторожами, грузчиками, торгуя сигаретами и т.д. Несмотря на это, вырученных денег не хватает, что ведет к увеличению числа краж в общежитиях, увеличению количества девушек, вовлеченных в занятие проституцией. Докладчик Савельева делает неутешительный вывод, что студенческая жизнь это: «...все, что хотите, только не учеба, а безумная погоня за какими-то ни было средствами, за куском хлеба» [7, Д. 744, Л. 6].

Весьма бедственно обстояли дела с условиями проживания студентов, приехавших на обучение в город из других районов. Даже в столичных общежитиях студенты-националы жили очень тесно, до 15 человек в одной комнате, что негативно влияло на их здоровье [4, Д. 5, Л. 1]. В Казани учащиеся также существовали в очень стесненных условиях: бывали случаи, когда студенты определенный период времени проживали в непригодных помещениях (студенческих столовых), где размещались на полу, в грязи и антисанитарии [1, с. 416]. По замечанию проверяющих, жилище молодых людей напоминало больше ночлежку, чем место отдыха. В Самаре в комнатах общежитий размещалось от 10 до 70 человек, что негативно сказывалось на здоровье молодежи. У большинства учащихся иммунитет был ослаблен, что приводило к развитию хронических заболеваний: «...неудивительно, что туберкулез и другие болезни поражают огромное число учащихся. Условия жизни не удовлетворяют элементарнейшим гигиеническим условиям (имеются случаи, когда студенты живут в комнатах, переделанных из уборных, многие не имеют белья)» [6, Д. 5, Л. 1].

Государство, пребывавшее в условиях разрухи и кризиса, не могло материально помочь всем учащимся. Основной формой помощи национальному студенчеству была выплата стипендий либо обеспечение продовольственными пайками. Однако обеспечивались денежными выплатами и питанием лишь студенты, имевшие правильное «пролетарское» происхождение. Остальные

категории не имели подобных привилегий, более того, нерабочее происхождение (особенно для детей дворян или мулл) налагало обязанность оплачивать учебу, что обостряло существующую социальную обстановку: «...Введение платности для не стипендиатов еще более резко отразилось на общем материальном положении студентов» [5, Д. 214, Л. 14]. Плата была дифференцирована в зависимости от социального происхождения. Интересно отметить, что в данный период поддержку студенческим массам оказывали различные общественные организации, в том числе иностранные: «...Отчасти улучшилось положение студентов с получением питания от Европейской студенческой помощи. Последняя кормит 1000 человек студентов в г. Казани – причем процент получающих питание стипендиатов приблизительно составляет от 40 до 50 %» [5, Д. 214, Л. 14].

По мере восстановления народного хозяйства расширялся процент пролетарского национального студенчества, получающего стипендиальные выплаты. В центральных университетах страны размер стипендии национальных и интернациональных студентов в середине 1920-х гг. составлял около 40 рублей в месяц при том, что средняя зарплата в этот период была около 60 рублей [6, Д. 46, Л. 47]. К 1925 г. три четверти всех учащихся было обеспечено стипендией. Но размер выплат в Поволжских учебных заведениях существенно отличался от денежного довольствия столичных студентов-интернационалов и не перекрывал даже минимально необходимые потребности [3].

Однако даже такие небольшие выплаты получали не все учащиеся. Необходимо было соответствовать целому ряду требований, и стипендиальной комиссией учитывалась несколько факторов при назначении денежного довольствия студентам, основными из которых являлись: происхождение, академическая успеваемость, общественная активность, материальное положение. Так, на заседании стипендиальной комиссии Ульяновского промышленно-экономического техникума им. 25 Октября, состоявшегося 6 ноября 1926 г. было рассмотрено 60 заявок студентов, в том числе националов, на получение стипендии [2, Д. 42, Л. 13]. Наиболее интересные результаты заседания представлены ниже в таблице:

Протокол заседания стипендиальной комиссии

Слушали (Ф.И.О. студента)	Постановили (Решение о назначении стипендии)
Триханова Агафья	Отказать. Основание: отец получает 83 рубля, семья из 3-х человек
Сиксина Татьяна	Отказать. Основание: удовлетворительное материальное положение (служит муж и сама), семья из 2-х человек и академическая неуспеваемость
Перепелкина Анна	Назначить. Основание: Дочь крестьянина-бедняка и активна в общественной работе
Терехин Василий	Назначить. Основание: Тяжелое материальное положение и академическая успеваемость
Лапоринский Николай	Отказать. Основание: Общественно-инертный и академическая неуспеваемость
Медяков Александр	Отказать. Основание: социальное положение: живет у родственников, имеет постоянный заработок, общественной работой не интересуется
Фалалеев Федор	Назначить. Основание: тяжелое материальное положение, академическая успеваемость (слово «успеваемость» зачеркнуто и написано «старательность» – прим Ю.К)
Козловская Клавдия	Назначить. Основание: как дочери инвалида-пенсионера

Всего на данном заседании было отказано 20 студентам в назначении стипендии, из них: 13-ти – из-за сносного материального положения (обеспечивают родители или есть дом), 6-ти – из-за общественной инертности или академической неуспеваемости, у трех, вместе с одной из вышеперечисленных причин, возникли сложности с документами.

При отказе студентам в назначении стипендии они имели право на обжалование решения Комиссии в Губернской Стипендиальной комиссии при Губоно [2, Д. 42, Л. 12]. Некоторые учащиеся пользовались этим правом и направляли свои документы в соответствующие инстанции. Так, 11 ноября 1926 г. состоялось новое заседание стипендиальной Комиссии, на которой пересматривались обстоятельства слушания по делу студентов Медякова и Бычкова. В отношении первого учащегося комиссия заключила, что поскольку «...заявление т. Медякова с представленными документами ничего нового не вносит в тот материал,

который послужил основанием об отказе», то следует считать принятое решение правильным [2, Д. 42, Л. 4]. По поводу второго студента члены комиссии также не изменили решения, указав, что Бычков живет в городе у родственников и его материальное положение более удовлетворительно, чем у тех слушателей, которые вынуждены жить в интернате.

Дальнейшее обжалование студентами также не принесло результата, и решения предыдущих заседаний были оставлены без изменений: «...комиссия полностью подтверждает свою прежнюю мотивировку в отказе т. Медякову в выдаче стипендии. Комиссия отмечает, что она в третий раз рассматривает один и тот же материал, правда, каждый раз с новыми резолюциями из Главпрофобра» [2, Д. 42, Л. 8].

В целом, стипендиальные выплаты в 1920-е годы не могли удовлетворить насущные потребности студентов коренных национальностей, поэтому большинство учащихся пытались улучшить свое материальное положение с помощью других источников дохода, дополнительно работая в свободное время.

Литература

1. Амалиева, Г.Г. «Сочувствую РКП(б), так как она дала мне возможность учиться в вузе...». Социальная поддержка и контроль студентов Казанского университета в 1920-е годы / Г.Г. Амалиева // Сборник статей: Советская социальная политика 1920-х–1930-х гг.: идеология и повседневность, М. 2007. С. 416.

2. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. р.-203. Оп. 1.

3. Петаченко, Г.А. Быт советского студенчества на страницах молодежных изданий 1920-х – начала 1930-х гг. / Г.А. Петаченко // Российские и славянские исследования: Сб. науч. статей. Вып. 5. – Мн.: БГУ, 2010. – С. 75–79.

4. Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 61.

5. РГАСПИ. Ф. 53. Оп. 1.

6. РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 1.

7. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ) Ф. 17. Оп. 60.

FINANCIAL CONDITIONS NATIONAL STUDENTS IN 1920-ies (ACCORDING DOCUMENTS OF MIDDLE VOLGA)

Y.N. Korotin

*FSBEI HPE «Penza State University»
Penza, Russia*

The article analyzes the state measures of national financial support of students in the first years of Soviet power. Particular attention is paid to the question of the criteria is essential in deciding the institution to provide financial assistance to students.

Keywords: national students, scholarships, scholarship committee.

УДК 341.9

ФОРМЫ УСТРОЙСТВА ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Ю.В. Котова

*ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет»,
г. Пенза, Россия*

В статье обобщается зарубежный опыт решения проблем детей, оставшихся без попечения родителей. Делается вывод о необходимости внедрения фостерных семей.

Ключевые слова: дети, семейное право, патронажное воспитание, фостерная семья.

Сиротство остается одной из сложнейших общемировых социальных и научных проблем. Основанием для научных и практических разработок в области защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, выступают гуманистические идеи, заложенные в Конвенции ООН о правах ребенка. Большинство стран мира, ратифицировав Конвенцию, согласились, что неотъемлемым правом ребенка выступает его право

жить и воспитываться в семье. Именно семья признается во всех странах естественной и наиболее благоприятной средой защиты, воспитания и развития ребенка. При нарушении развивающей среды биологической семьи ребенок имеет право на защиту и воспитание в семье замещающей.

Если в практике российских форм замещающей заботы о детях-сиротах наблюдались свои специфические, подтвержденные историческим опытом формы организации такого рода деятельности, то в последние годы происходит их интеграция в общеевропейскую и мировую системы воспитания, накопившие определенный положительный опыт.

Таким образом, целью данной статьи является исследование зарубежных форм семейного устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей для дальнейшего использования в российской практике.

История становления приемной семьи в США началась ещё в XVIII веке, с открытия воспитательного дома для сирот в Новом Орлеане. Сегодня в США нет единого законодательства, регулирующего данную сферу семейных отношений. В каждом штате существуют свои законы, а соответственно и способы решения проблем детей-сирот. Однако в целом можно отметить, что в США осуществляется эффективная политика, направленная на решение проблемы профилактики социального сиротства и реализацию прав детей, оставшихся без попечения родителей.

Американские дети не могут попасть в приёмную семью без постановления суда, в то время, как в России оно необходимо лишь во время процедуры усыновления. Социальные работники в США обязаны проводить работу с родителями для разработки плана помощи семье по выходу из кризиса. В России работа с кровной семьей ведется органами опеки и специалистами центров сопровождения замещающей семьи.

В то время как в России взят курс на развитие института замещающей семьи, в США разработан и реализуется Стратегический план до 2020 года, предусматривающий сокращение на 50 % числа детей, воспитывающихся в приемных семьях [1]. Сэкономленные средства планируется направить на разработку и применение более эффективных методов, способствующих укреплению семьи.

Социальная работа в США имеет давние традиции программ ухода за детьми. Для детей, имеющих поведенческие или эмоциональные проблемы, существуют учреждения (детские дома и приюты) нескольких типов: семейные детские дома, патронирование на дому, лечебные центры с круглосуточным пребыванием, кризисные центры, профилактории.

Согласно Закону о содействии в усыновлении и социальном обеспечении детей (1980), усыновление и помещение ребенка в специальное детское учреждение производится после того, как были предприняты все возможные усилия для предотвращения распада семьи [1]. До того, как ребенок помещается в данное учреждение, осуществляется судебный надзор, если родители хотят исправить положение.

Американские специалисты видят главную цель в сохранении семейных связей. Дети, отлученные от родителей, помещаются в условия наименьшей изоляции, в первую очередь, в семьи родственников, под родственную опеку, обеспечивающую ребенку контакт с собственной расширенной семьей.

В странах Европы основным направлением деятельности социальных служб является предупреждение социального сиротства: социальная поддержка и оказание психолого-педагогической помощи семьям группы риска, активное выявление дисфункциональных семей и вовлечение их в коррекционную работу. Для своевременного выявления семей, нуждающихся в особой поддержке государства, представители социальных служб посещают все семьи новорожденных и при выявлении факторов риска социального сиротства вовлекают их в профилактическую работу [3]. Одной из распространенных форм работы являются спортивные секции, позволяющие вырвать ребенка из социально-опасной среды, создать условия для успешной социализации. По данной причине важным элементом решения детских проблем является подготовка педагогов дополнительного образования, тренеров-педагогов по работе с детьми, находящимися в трудной жизненной ситуации [2].

В Западной Европе помимо усыновления и приемных семей положительные результаты приносят и другие формы организации семейного жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Так, в Западной Европе распространены фостеровские (или фостерные) семьи, куда детей передают на

определенное время с целью решения конкретной проблемы семьи [3]. Рассмотрим особенности функционирования патронатных семей в разных странах.

Согласно Закону о детях, принятому в Великобритании в 1989 г., только родная семья может предоставить ребенку возможность для максимально полного развития и для обеспечения его благосостояния, поэтому признается безусловный приоритет в сохранении родительских прав (родительской ответственности) у кровных родителей [3]. При содержании ребенка вне дома должны приниматься активные меры по возвращению его в родную семью.

В Швеции существуют специальные службы, где воспитатели с высшим специальным образованием создают благоприятные условия для детей, временно не проживающих в биологических семьях. Если родители под влиянием разных причин перестали заниматься воспитанием детей, социальные кураторские службы вмешиваются и направляют детей в эти службы. Через 8 недель или через полгода ребенка могут вернуть в семью, но только в том случае, если известно, что родители изменили своё поведение. При неблагоприятном исходе ребенок передается в патронатную семью. Через год биологические родители могут вернуть своих детей, при этом в течение года они могут встречаться со своими детьми.

Во Франции основной структурой защиты ребенка является семья, в которой он родился. Французское законодательство и большинство специалистов выступают за максимально долгое пребывание ребенка в кровной семье. Даже когда возникает острая необходимость перемещения ребенка в приемную семью из-за возникновения опасности для него, считается необходимым поддерживать его связь с кровными родственниками.

В случаях возникновения психологических или педагогических трудностей в воспитании приемного ребенка приемным семьям оказывается квалифицированная помощь со стороны служб сопровождения семей [1].

Под понятием «служба» подразумеваются специалисты, которые сопровождают ребенка во время консультаций у психолога, врача, при организации встреч с биологическими и приемными родителями. Задача членов технической команды службы – сопровождать ребенка, участвовать вместе с ним на всех этапах, делить с ним все ощущения и эмоции.

Французская идея сопровождения принимающей семьи предполагает, что социальный работник – это свидетель. Он должен присутствовать, даже когда все идет хорошо, потому что, если ситуация ухудшится, сопровождающий будет лучше понимать, что произошло, и сможет помочь семье, так как он прожил с ней и спокойный период.

Как и в опыте других стран, нахождение ребенка в фостерной семье используется для проведения работы с его кровной семьей с целью выявления возможности возвращения его в семью. Однако особенностью французской системы фостеринга является то, что в судебном порядке на кровных родителей ребенка налагается обязанность финансирования проживания ребенка вне дома, в фостерной семье.

Представляя характерные черты немецкого опыта заботы о детях-сиротах, в первую очередь указывается опыт создания детских деревень. Широко известна педагогическая идея австрийского ученого и практика Германа Гмайнера о жизнедеятельности деревень SOS, где открывались детские дома по принципу семьи. Каждый ребенок в такой деревне обретал свой дом и свою семью, с мамой, братьями и сестрами. В настоящее время Международная благотворительная организация SOS –Kinderdorf International объединяет более 500 таких деревень в 132 странах мира [1].

В Финляндии вообще не существует понятия социального сиротства. Сиротой считается несовершеннолетний, у которого нет мамы и папы. Такая процедура, как лишение родительских прав, также не предусмотрена законодательством. Родители, чьи дети изъяты, все равно сохраняют свои права и могут восстановить семью, устранив претензии социальных служб. В детское учреждение, где максимальное количество мест – 24, ребенок попадает не на всю жизнь, а на два-три года в среднем. Закон в Финляндии обязывает социальные службы поддерживать связь между ребенком и родителями [1].

В настоящее время в разных странах мира созданы и действуют различные модели семейной помощи и поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Однако ведущей современной тенденцией выступает сохранение отношений ребенка с его кровнородственной семьей, осуществляющееся через одновременную помощь ребенку, которую он временно по-

лучает в замещающей семье, и помощь самой семье в быстрейшем разрешении ее трудной жизненной ситуации.

На наш взгляд, наиболее перспективной формой устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, являются фостерные семьи. Несомненным плюсом фостерной семьи является то, что ребенка в неё передают на время и с целью решения проблем в биологической семье. Кроме того, фостерство относится к лицензируемым видам деятельности, поэтому фостерные родители должны иметь соответствующую лицензию [4]. Таким образом, имея специальное образование, они становятся профессиональными педагогами и могут нести ответственность за дальнейшую судьбу ребенка.

По нашему мнению, в российской практике стоит чаще применять передачу детей из неблагополучных семей в фостерные семьи, в том числе и по мелким нарушениям (пьянство, оставление ребёнка одного и т.п.). Так, у ребенка появляется шанс, хоть и на время, сменить привычные условия проживания, круг общения и своё времяпрепровождение. И у детей, и у родителей появляется время подумать над тем, как решить их семейные проблемы. В этот же промежуток времени с ними должны работать органы опеки, помогая семье выбраться из кризиса (социальные работники и психолог). После успешного преодоления кризисных рубежей ребенок может вернуться в биологическую семью, но только под контролем органов опеки. В дальнейшем, как минимум несколько лет, такая семья должна находиться под постоянным наблюдением соответствующих органов.

Таким образом, анализ зарубежного и российского опыта показывает, что развитие сети сиротских учреждений – тупиковый путь. А развитие фостерства – это ещё один значительный шаг по пути решения проблем сиротства.

Литература

1. Гайсина, Г.И. Семейное устройство детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Зарубежный опыт / Г.И. Гайсина. – М., 2013. – С. 100–135.
2. Кузьмина, Л.В., Гаврилов К.Г. Особенности профессиональной деятельности тренера-педагога / Л.В. Кузьмина, К.Г. Гаврилов // Актуальные проблемы истории политики и пра-

ва. Сборник статей II Всероссийской научно-практической конференции. Пенза, 2014. – С. 54–58.

3. Социально-экономические технологии семейного устройства и воспитания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Учеб.-метод. пособ. – М., 2008. – С. 42–52.

4. Степаненко, Е.А. Организация деятельности семейных воспитательных групп (фостерных семей) / Е.А. Степаненко // Работник социальной службы. – 2004. – № 3. – С. 29–33.

THE FORMS OF CARE FOR ORPHANS, AND WITHOUT PARENTAL CARE CHILDREN. FOREIGN EXPERIENCE

Yu.V. Kotova

*The Penza state university,
Penza, Russia*

The article summarizes the international experience of solving problems of children left without parental care. The conclusion about the need to introduce foster families.

Keywords: children, family law, foster care.

УДК 94(571.62)

ТРУД, БЫТ И ЗДОРОВЬЕ РАБОЧИХ-ПОДРОСТКОВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1920-е ГГ.

И.Л. Кузина

*ФГБОУ ВПО «Комсомольский-на-Амуре государственный
технический университет»,
г. Комсомольск-на-Амуре, Россия*

В статье рассмотрены особенности организации труда, питания, жилищное положение рабочих подростков и учащихся фабрично-заводских школ на Дальнем Востоке в 1920-е гг. Отмечены неблагоприятные условия труда, быта и общее состояние здоровья подростков.

Ключевые слова: труд, быт, здоровье, рабочая молодежь, подростки, Дальний Восток.

Трудовая деятельность молодых людей в Советской России в 1920-е гг. начиналась рано. И хотя первый советский кодекс законов о труде 1918 г. подчеркнул, что трудовая повинность распространяется лишь на лиц старше 16 лет, но фактически начало трудовой деятельности большинства населения не соответствовало юридически закреплённому в КЗОТе. К концу 1920-х гг. 60 % молодежи начинали работать в промышленности с 14 лет. Основная масса подростков на Дальнем Востоке начинала работу по найму в возрасте 14-17 лет, наибольшее количество подростков начинало работать с 16 лет, однако довольно распространённым явлением было начало трудовой деятельности по найму детей до 10 лет. По сравнению с данными по Московской губернии, отмечалось, что подростков, начавших работу по найму до 13 лет на Дальнем Востоке было значительно больше, чем в Московской губернии. В большинстве своем подростки работали в условиях 5-6 часового рабочего дня, нередко были случаи занятости подростков при 8-часовом рабочем дне. Зачастую в эти часы включались и часы школьных занятий. Рабочий день подростков на Дальнем Востоке был длиннее по сравнению с рабочим днем подростков из других областей страны, кроме того его «удлинение» в связи с учебной нагрузкой негативно влияло на самочувствие и состояние здоровья подростков.

Профессиональный состав рабочих подростков распределялся следующим образом: наибольший процент составляли ученики профшкол. Далее шли подростки технического и делопроизводственного персонала и подростки, занятые в металлургической промышленности. Кроме того, подростки были заняты в кожевенном производстве, в сфере питания и общепита, в швейном, печатном, пищевом производстве и др. При этом мальчики в основном были учениками профшкол, входили в делопроизводственный и технический персонал, а также были заняты в кожевенной и металлургической промышленности, а девочки в большинстве составляли делопроизводственный и технический персонал, были заняты в сфере питания и общепита, швейном производстве. В ходе сравнительного анализа профессионального состава рабочих подростков Дальнего Востока и подростков других частей СССР, было установлено, что на Дальнем Востоке больший процент составлял делопроизводственный и техниче-

ский персонал и меньший процент подростков, занятых в производстве.

Согласно данным медицинских освидетельствований подростков и молодых людей до 18 лет, большинство подростков жили на частных квартирах, значительное количество рабочих подростков проживало в квартирах от предприятия и незначительное количество проживало в домах-коммунах, домах подростка и казармах. В отношении проживания подростков в домах-коммунах на Дальнем Востоке следует отметить малую распространенность такого вида проживания, по сравнению с Москвой и Московской губернией, где в подобных домах проживало 12,1 % подростков, в то время как на Дальнем Востоке всего 2 %. Дома – коммуны в принципе не были распространены на Дальнем Востоке.

Санитарное состояние жилищ оставляло желать лучшего. Лишь 40,6 % в 1923 г. и 41,6 % в 1924 г. всех подростков Дальнего Востока проживало в помещениях, признанных как удовлетворительные.

Основными жилищными проблемами были недостаточная площадь, другими словами, теснота, которая стояла на первом месте в этом ряду и была отмечена у трети всех подростков, далее шли сырость, холод и темнота. На тесноту больше всего жаловались подростки Забайкальской и Приморской губерний, на холод особенно жаловались подростки Приморской и Амурской губерний. Сырые помещения больше всего были отмечены в Забайкальской губернии.

Этаж проживания подростки в основном указывали первый (86 %), при этом следуют иметь в виду, что к первому этажу относили этажи, которые подростки называли «нижними», являющиеся на самом деле подвальными или полуподвальными помещениями.

Количество проживающих в комнате по одному составляло 9,3 % в 1924 г. Однако, следует отметить, что некоторые данные о проживании девушек в комнате по одной, были подвергнуты сомнению, в связи с тем, что некоторые девушки, служа прислугой, проживали в кухне и отмечали, что живут в кухне «одна», в то время как кухню местом проживания вряд ли можно было считать.

Девять десятых всех подростков проживало более чем по одному в комнате, почти три четверти подростков проживало больше двух в комнате, и половина всех подростков проживало больше трех человек в одной комнате. Кроме того, 24,2 % в 1923 г. и 24,9 % в 1924 г. подростков не имели собственной постели и вынуждены были спать по двое или по несколько человек.

Таким образом, около 60 % подростков Дальнего Востока проживало в неудовлетворительных условиях, в темных, сырых, тесных, холодных помещениях по несколько человек в комнате. Санитарный инспектор Дальневосточного Отдела Труда Протопопов отмечал: «Окраины городов Дальнего Востока напоминают собой деревни, и здесь в низких темных и сырых домишках ютится главным образом рабочая масса. Плохую обстановку жилищ приходится констатировать, почти при каждой инспекторском обследовании. Даже на тех предприятиях, которые предоставляют рабочим готовые квартиры (каменноугольные копи, крупные заводы, золотые прииска), мы видим, что кубатура помещений на одного рабочего не достигает «голодной» нормы» [1, с. 13]. Только 40 % подростков имело удовлетворительное качество жилья, в то время как 60 % проживали в темных, тесных, сырых и холодных помещениях по несколько человек в комнате.

Еще одним важным показателем качества жизни, которое имеет непосредственное влияние на состояние здоровья, является качество питания. Материалы обследования состояния питания подростков отмечали, что большинство подростков питались в семье и имели достаточное питание. Значительно меньше подростки питались самостоятельно и еще меньше в общественных столовых. Лишь 1/5 подростков имело недостаточное питание. К сожалению, в материалах нет сведений о критериях достаточности питания.

Результатом всех неблагоприятных факторов стала значительная болезненность подростков, выражавшаяся в отставании развития телосложения и позднем наступлении менструаций у значительной части девушек. Состояние здоровья подростков Дальнего Востока не было признано удовлетворительным, в силу того, что четвертая часть подростков имела болезненное состояние. Наиболее часто диагностировали «малокровие», болезни органов дыхания, подозрение на туберкулез. Кроме того, довольно

высокие цифры были по таким заболеваниям как болезни органов зрения, нервной системы, органов слуха, органов пищеварения.

Наличие неблагоприятных факторов в бытовых условиях и условиях труда непосредственно оказывали влияние на малоудовлетворительную картину состояния здоровья подростков Дальнего Востока. Врачи призывали власти обратить внимание на данные факты и предлагали различные варианты улучшения ситуации, однако такие экстремальные условия труда и жизни подростков становились нормой на долгие годы, оказывая свое влияние на их общее физическое состояние.

Литература

1. Труд, быт и здоровье рабочей молодежи Дальнего Востока / Под редакцией экономической комиссии ДВКК ВЛКСМ. – Хабаровск: Издание Крайкома ВЛКСМ, 1926. – 61 с.

WORK, LIFE AND HEALTH OF WORKERS TEENAGERS THE FAR EAST IN THE 1920 s.

I.L. Kuzina

*FSBEI HPE «Komsomolsk-on-Amur
State Technical University»
Komsomolsk-on-Amur, Russia*

The article describes the features of the organization of work, food, housing the workers teenagers and students of factory school in the Far East in the 1920s. Marked by poor working conditions, everyday life and the general health of adolescents.

Keywords: work, life, health, young workers, young people, the Far East.

**ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ИНСТИТУТА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНОГО
НАКАЗАНИЯ СЛЕДСТВЕННЫМИ ИЗОЛЯТОРАМИ**

С.А. Лавёрычева

*ФКУ «Научно-исследовательский институт
ФСИН России»
г. Москва, Россия*

В настоящей статье проанализированы нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность следственных изоляторов. Выявлены некоторые проблемы правового регулирования института исполнения уголовного наказания следственными изоляторами.

Ключевые слова: следственный изолятор, осужденные, правовое регулирование, исполнение наказания.

Среди структурных элементов УИС следственные изоляторы (СИЗО) занимают особое положение, так как в них содержатся лица с разным правовым статусом (подозреваемые, обвиняемые, осужденные). По сути, в настоящее время они выполняют две функции: основную (как место предварительного заключения) и дополнительную (как место отбывания наказания в виде лишения свободы).

Это обстоятельство и послужило поводом обратиться к изучению правового регулирования института исполнения уголовного наказания следственными изоляторами, нормы которого рассредоточены в различных законах и ведомственных нормативных актах.

Рассогласованность – законодательная недоработка, о недопустимости которой писал ещё профессор М.И. Ковалёв [3, с. 147], прослеживается с момента определения правового статуса СИЗО.

Согласно ФЗ от 15 июля 1995 г. «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», следственные изоляторы предназначены для содержания лиц, в отношении которых в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу. Более того, уголовное законодательство (ст. ст. 56, 58 УК РФ), закрепляя систему исправительных учреждений, не включает в неё СИЗО. Согласно же ч. 9 ст. 16 УИК РФ, «наказание в виде лишения свободы исполняется ... в отношении лиц, указанных в статье 77 настоящего Кодекса, следственным изолятором». На это указывает и п. 1 Положения о следственном изоляторе уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации.

Несмотря на отсутствие четкой правовой регламентации статуса следственного изолятора, в нем отбывают наказание осужденные, оставленные для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию. Уголовно-исполнительное законодательство закрепляет добровольный порядок оставления осужденных, что порождает ряд вопросов относительно процедуры и процессуальных аспектов его осуществления. В частности, юридическим актом оставления осужденного в следственном изоляторе выступает постановление начальника учреждения. В случае, если осужденный в дальнейшем изъявит желание отбывать уголовное наказание в исправительной колонии, то его перевод осуществляется также на основании решения администрации. То есть на практике устоялся «приказной порядок» изменения вида учреждения, исполняющего наказание в отношении осужденных, зачисленных в отряды хозяйственного обслуживания СИЗО, который ставит «в зависимость кондиции отбывания лишения свободы от воли начальника следственного изолятора и представляющий довольно широкий простор административному усмотрению».[1, с. 84]

В такой ситуации нельзя не признать справедливость высказываний А.О. Зубовой, что «только суд наделен правом определять степень изоляции осужденных и режим отбывания наказания. Эти требования отражены в ст. 58 УК РФ»[2, с. 168] и В.В. Петрова, что «... приказ начальника следственного изолятора противоречит приговору суда в части определения вида

учреждения, исполняющего наказание и режима его отбывания. Приговор суда и приказ начальника следственного изолятора являются нормативными актами разного порядка. Акт низшего порядка (приказ начальника СИЗО) игнорирует акт высшего порядка (приговор суда)». [4, с. 19]

Кроме вышеперечисленных проблем, существует еще одна, которая касается процедуры исполнения лишения свободы в отношении осужденных из отрядов хозяйственного обслуживания. Конечно, в уголовно-исполнительном кодексе (ч. 3 ст. 77 УИК РФ) говорится, что «осужденные, оставленные в следственном изоляторе ... для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию, содержатся ... на условиях, предусмотренных настоящим Кодексом для исправительных колоний общего режима». Но в практической деятельности на территории СИЗО воссоздать соответствующие условия крайне затруднительно. К сожалению, специфика исполнения наказания в виде лишения свободы следственными изоляторами не нашла своего отражения ни в федеральных законах, ни в ведомственных нормативно-правовых актах.

На наш взгляд, такая ситуация не может считаться допустимой. «Нормативно-правовая регламентация должна охватывать деятельность всех субъектов пенитенциарных отношений» [1, с. 85].

Таким образом, анализ нормативного материала и внимательное изучение сложившейся в настоящее время практики исполнения наказания следственными изоляторами свидетельствуют о том, что данный институт нуждается в четкой правовой регламентации, которая имеет основополагающее значение как при реализации осужденными своих прав, законных интересов и обязанностей, так и для их обеспечения со стороны администрации. Целесообразно было бы включить в Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы раздел, посвященный процессу исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы следственными изоляторами в отношении осужденных, оставленных для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию.

Литература

1. Жилко, И.А., Корсаков К.В. Пенитенциарный труд в следственных изоляторах / И.А. Жилко, К.В. Корсаков // Монография – Екатеринбург: ИД «Ажур», 2013. – 136 с.

2. Зубова, А.О. Проблемы правового регулирования исполнения лишения свободы в следственном изоляторе / А.О. Зубова // Право и образование. – 2010. – № 3. – С. 166-169.

3. Ковалёв, М.И. О технике уголовного законодательства / М.И. Ковалев // Правоведение. – 1962. – № 3. – С. 144-150.

4. Петров, В.В. Исполнение (отбывание) лишения свободы в следственном изоляторе: история и современность: автореф. дис. ... канд. наук.- Екатеринбург, 1999. – 27 с.

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF THE INSTITUTE ENFORCEMENT OF CRIMINAL PENALTIES REMAND PRISON

S.A. Laverycheva

*The Research Institute of the Federal Penitentiary Service
of Russian Federation
Moscow, Russia*

This article analyzes the regulations governing the operation of detention centers. Revealed some problems of legal regulation of the institution of criminal punishment remand prison.

Keywords: detention facility, convicted, legal regulation, execution of punishment.

**ВЛИЯНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ
НА КАЧЕСТВО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ МСУ
ГОРОДА САРАТОВ С НАСЕЛЕНИЕМ**

В.А. Михно

*ФГБОУ ВПО РАНХ и ГС при ПРЕЗИДЕНТЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПИУ им. П.А.СТОЛЫПИНА
г.Саратов, Россия*

В статье представлены актуальные проблемы института обращений граждан, выявленные на основе исследования показателей официальной статистики, отражающей работу с обращениями граждан по городу Саратов и описание влияния организационной культуры на повышение эффективности данной работы.

Ключевые слова: органы МСУ, организационная культура, обращения граждан.

Особенности цикличности российской экономики ставит на повестку дня вопрос о преобразовании сложившихся ценностных представлений, стилей и методов управления в соответствии с новыми рыночными требованиями. Данные изменения затрагивают не только коммерческие структуры, но и государственные учреждения. Актуальной становится проблема повышения эффективности функционирования органов местного самоуправления (МСУ) в условиях роста социально-экономической нестабильности.

Под организационной культурой применительно к органам МСУ следует понимать набор установок, норм и ценностей и исторических особенностей данного муниципального образования. Объединяя все виды деятельности и все взаимоотношения внутри администрации, организационная культура способствует повышению сплоченности и производительности коллектива, тем самым создавая внешний образ администрации, формируя ее имидж и определяя характер отношений с населением, а также помогает концентрировать усилия на главных стратегических

направлениях, определяемых в соответствии с основными задачами муниципального образования. Как правило, органы МСУ реализуют в своей деятельности бюрократическую организационную культуру, которая зиждется на строго регламентированных правилах и четком распределении ролей, работа спланирована на перспективу, функции каждого сотрудника четко расписаны, система имеет долгую организационную «память» и способна расти, используя свой опыт. Предсказуемость и стабильность создает атмосферу безопасности. Полномочия людей ясно описаны, что помогает избегать конфликтов и снижает необходимость принятия индивидуальных решений. Но абсолютно идеальной системы нет. Если посмотреть на господство бюрократической культуры в органах МСУ, можно выделить следующие минусы:

1. Во-первых, такая стабильная, четко регламентированная и предсказуемая система очень сложно поддается каким-либо изменениям.

2. Во-вторых, четкое распределение обязанностей приводит к установлению «монархии» в собственных подразделениях.

3. В-третьих, творческий подход, проявление инициативы и качество работы уступает место правилам, инструкциям и нормам.

Деятельность органов МСУ должна быть направлена главным образом на повышение качества предоставляемых услуг, тем самым способствуя повышению уровня доверия народа к власти. Особо отчетливо данный факт представляется возможным отследить проанализировав такой важный элемент функционирования органов МСУ как институт публичной власти, отражающий взаимодействия муниципальных служащих с населением – институт обращений граждан. Согласно ФЗ от 02.03.2007 № 25-ФЗ (ред. от 30.03.2015) «О муниципальной службе в Российской Федерации» одним из основных декларируемых принципов муниципальной службы является взаимодействие с общественными объединениями и гражданами. Статья 4 данного ФЗ регламентирует ответственность муниципальных служащих за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих должностных обязанностей.

Высокое качество предоставляемых услуг отражается в следующем:

1. Своевременной фиксации и направлении обращения в работу.

2. Стремление предоставить ответ в максимально короткий срок.
3. Предоставление содержательного ответа на обращение.
4. Наличие обратной связи с населением муниципального образования.

Но в силу внешних и внутренних причин качество предоставляемых услуг органами МСУ снижается. Обратимся к статистике, отражающей работу с обращениями граждан Администрации муниципального образования «Город Саратов» в динамике за 2012-2014 годы.

Таблица 1 – Обращения граждан за 2012–2014 гг

Поступившие обращения	2014 год	2013 год	2012 год
Письменные	14139	16429	17043
Устные	4697	3893	4586
С контролем	5005	6340	7503
Повторные	4	8	43

Следует отметить важный показатель – в динамике с 2012 по 2014 годы снижается количество письменных обращений, обращений с контролем и количество повторных обращений. Полагаясь на представленную статистику можно отметить повышение качества оказываемых услуг Администрацией муниципального образования «Город Саратов» гражданам муниципального образования в 2014 году по сравнению с 2012 годом. Единственный показатель, не снизивший позиции в динамике за три года, а даже напротив, увеличившийся на 2,4 % – количество устных обращений или количество обращений граждан, поступивших на «Прямую линию».

Таблица 2 – Обращения на «Прямую линию» за 2012 – 2014 гг

Отчетный период	Количество обращений	Направлено в структурные подразделения	Закрыто в процессе беседы
2014 год	4697	2831 (60 %)	1866 (40 %)
2013 год	3893	2070 (53 %)	1823 (47 %)
2012 год	4586	1540 (34 %)	3046 (66 %)

Отдельно следует отметить количество обращений, поступивших на «Прямую линию» и закрытых в процессе беседы. В 2014 по сравнению с 2012 годом этот показатель заметно снижается – на 26 %, из чего следует вывод о понижении уровня доверия населения к органам МСУ и желанию получить официальный ответ на заданную в ходе прямой линии проблему.

Исходя из анализа официально представленных данных по обращениям граждан на «Прямую линию» встает вопрос о достоверности выше представленной общей статистики обращений граждан в органы МСУ, отражающей положительную динамику. Важно отметить – официальная статистика, представленная на сайте администрации МО «Город Саратов» отражает исключительно количественные коэффициенты работы отдела обращений граждан и не затрагивает качественные показатели приведенной статистики.

Опираясь на официальные данные можно выделить следующие проблемные зоны в институте обращений граждан:

1. Количество принятых письменных обращений граждан (стремление служащих снизить их до минимума).
2. Актуальность и содержательность предоставленного ответа.
3. Доведение ответа до заявителя в установленный законом срок.
4. Фактическое решение проблемы и сроки его реализации.
5. Организация обратной связи с заявителями.

Главной проблемой, актуальной для органов МСУ города Саратов является отсутствие обратной связи по результатам решения проблемы заявителя, что сдерживает повышение качества предоставляемых услуг органами власти. Истоки наличия данной проблемы заложены в присущей органам МСУ организационной культуре. Строгая регламентация действий процедуры обращения граждан предусматривает принятие заявления, направление его на исполнение в соответствующий данной проблеме отдел, решение проблемы и предоставление заявителю официального ответа в установленный законом срок. Обратная связь с гражданами, предусматривающая оценку качества проделанной работы со стороны, уровень удовлетворенности населения работой органа власти отсутствует. И как следствие увеличивается количество повторных обращений граждан, снижается уровень доверия насе-

ления органам МСУ, снижается качество предоставляемых услуг. Строгая регламентация и подчинение определенной устоявшейся последовательности действий сдерживают возможность муниципальных служащих выйти за рамки установленных правил, что выступает отражением слабой стороны бюрократической организационной культуры. Этот аспект накладывает свой отпечаток на эффективное функционирование органов МСУ, снижается уровень доверия населения к органам власти и удовлетворенность их деятельностью, падает имидж органов МСУ, что в конечном итоге приводит к формированию неблагоприятного социально-психологического климата как внутри коллектива, так и среди населения. Присущие бюрократической организационной культуре органов МСУ контроль и четкая регламентация теряют свою силу.

Литература

1. ФЗ от 02.03.2007 № 25-ФЗ (ред. от 05.10.2015) «О муниципальной службе в Российской Федерации»
2. ФЗ от 02.05.2006 № 59-ФЗ (ред. от 24.11.2014) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»

THE INFLUENCE OF ORGANIZATIONAL CULTURE ON THE QUALITY OF INTERACTION OF LSG BODIES IN THE CITY OF SARATOV WITH A POPULATION

V.A. Mikhno

*FSBEI HPE RANE and PA when the President of the RUSSIAN
FEDERATION VIM named after P. A. STOLYPIN
Saratov, Russia*

The article presents current problems of the Institute of citizens identified on the basis of research of indicators of official statistics, reflecting the work with citizens in the city of Saratov and the description of the influence of organizational culture on increasing the efficiency of the service.

Keywords: local governments, organizational culture, the treatment of citizens.

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ФАКТОРОВ, СПОСОБСТВУЮЩИХ ВОЗНИКНОВЕ-
НИЮ ПРАВОНАРУШЕНИЙ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННО-
ЛЕТНИХ**

А.А. Никишина

*ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет»
г. Пенза, Россия*

В статье рассматривается проблема отклоняющегося поведения несовершеннолетних с учетом их психологических особенностей. Также анализируется эффективность работы с несовершеннолетними правонарушителями.

Ключевые слова: несовершеннолетние, отклоняющееся поведение, правонарушение, преступность.

Правонарушение – виновное, противоправное, наносящее вред обществу деяние правоспособного лица или лиц, влекущее за собой юридическую ответственность. В современном обществе наблюдается рост преступности среди детей и молодежи, снижается возрастная порог совершения правонарушений. В связи с этим требуется исследование коренных причин преступного поведения, т.е. криминологии преступности несовершеннолетних.

Причины и условия преступности несовершеннолетних, как и преступности в целом, носят социально обусловленный характер.

В последние годы сложилось устойчивое мнение о том, что главной причиной преступности несовершеннолетних и ее стремительного роста является резкое ухудшение экономической ситуации и возросшая напряженность в обществе. Конечно, все это влияет и на взрослую преступность, однако стремительное снижение уровня жизни сказывается сильнее всего на подростках, так как несовершеннолетние были и остаются наиболее «уязвимой» частью общества. «Уязвимость» заключается в том, что отличающие несовершеннолетних особенности (неустоявшаяся психика, не сформированная до конца система ценностей) делают

их более подверженными влиянию факторов, которым взрослые люди противостоят лучше.

Несмотря на то, что по данным Росстата, за последние годы число преступлений, совершенных несовершеннолетними, снизилось, проблема противоправного поведения несовершеннолетних остается достаточно острой [1, с. 551].

И здесь можно выделить различные причины.

1. Отрицательное влияние в семье. Семья является важнейшим социальным институтом. Именно в семье происходит становление личности подростка. Но не всегда семьи благоприятно влияют на развитие ребенка.

В то же время нельзя все источники противоправного поведения детей искать в их семьях. Есть и такие дети, которые воспитываются во вполне благополучных семьях и ни в чем не знают нужды, но, тем не менее, совершают правонарушения. И здесь уже стоит говорить о других причинах, толкающих несовершеннолетних к совершению правонарушений.

2. Отрицательное влияние неформальной группы сверстников. Для большинства подростков-правонарушителей роль друзей и их мнение оказываются более значимыми, чем мнение и авторитет взрослых.

3. Низкий уровень жизни большей части населения. Среди малообеспеченных слоев наиболее ярко выражен уровень наркотизации и алкоголизации, которые во многом являются причинами преступности. Очень часто подросткам из бедных семей приходится совершать преступления, чтобы просто выжить.

4. Недостатки в развитии досуговой системы: слабая организация сети кружков, спортивных секций, отсутствие заботы о вовлечении и закреплении в них несовершеннолетних, находящихся в неблагоприятных условиях жизни и воспитания. Нередко эти учреждения являются платными, а значит недоступными для подростков из бедных семей.

Эти проблемы решаются на уровне правительства.

В настоящее время, к примеру, в Пензенском регионе проводятся акции «Мини-футбол в школы», «Мини-футбол в ВУЗы» и т.д.

5. Недостатки учебно-воспитательной работы общеобразовательных школ и профессионально-технических учебных заведений (проявления формализма, отказ от индивидуального под-

хода и т.д.), в результате чего не реализуется должным образом задача формирования чувства гражданской ответственности учащихся, управления своим поведением, нередко обучающиеся отчуждаются от учебного коллектива, утрачивают интерес к учебе. Контингент несовершеннолетних преступников пополняется за счет подростков, бросивших школу, второгодников, отстающих. Указанные обстоятельства приводят к ослаблению и потере социальных связей, что облегчает контакт с источниками отрицательных влияний.

6. Недостатки в организации трудоустройства несовершеннолетних, поддержки их в трудовых коллективах. В этой связи необходимо отметить несвоевременное устройство лиц в возрасте от 14 до 18 лет, оставивших или окончивших школу и не продолжающих учебу; недостатки профориентации, отсутствие поддержки работающих несовершеннолетних.

7. Проникновение в молодежную среду стереотипов поведения, не совместимых с общественными ценностями.

По мнению опытного социального педагога Л.В. Савченко, существуют возрастные особенности несовершеннолетних, совершающих правонарушения, без учета которых трудно обойтись при анализе причин правонарушений.

Наиболее общими личностными характеристиками «трудных» подростков, по мнению Л.В. Савченко, являются следующие:

- стойкая изоляция от учебного коллектива;
- примитивизм интересов и потребностей. Стремление к достижению успехов в учебной деятельности, в общественной работе у несовершеннолетних правонарушителей заменено иными потребностями и интересами;
- педагогическая запущенность – одна из причин, способствующих правонарушениям несовершеннолетних;
- агрессивное поведение несовершеннолетних как проявление деформации личности и личностных отношений [2, с. 23].

Здесь особый интерес представляет категория лиц, которые, находясь в заключении, и, как правило, не подвергаясь правильно организованному педагогическому воздействию, не только не исправляются, но, более того, степень криминализации личности значительно усиливается. Выходя на свободу, такие несовершенно-

нолетние, как правило, выступают в роли «авторитетов» групп подростков с асоциальной направленностью [3, с.71].

Таким образом, причины правонарушений среди несовершеннолетних в России связаны с социальными, психологическими и другими особенностями несовершеннолетних, попадающих в ситуации риска; обстоятельствами, способствующими совершению правонарушений, структурой преступности, которые относятся к различным социальным и нравственно-психологическим сферам общественной жизни.

Литература

1. Баскакова, А.В. Характеристика основных причин совершения правонарушений несовершеннолетними / А.В. Баскакова, М.В. Данилова // Молодой ученый. – 2014. – № 20. – 602 с.

2. Михайлов, А.П. Подросток с девиантным поведением (формы педагогического воздействия) / А.П. Михайлов. – М.: МОСУ, 2000. – 44 с.

3. Хомич, А.В. Психология девиантного поведения: учебное пособие / А.В. Хомич. – Ростов-на-Дону: ЮРГИ, 2006. – 140 с.

SOCIO-PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF THE FACTORS GIVING RISE TO JUVENILE DELINQUENCY

A.A. Nikishina

*FSBEI HPE «Penza State University»
Penza, Russia*

The article deals with the problem of deviant behavior of minors with considering to their psychological characteristics. The effectiveness of work with juvenile offenders is also analyzed.

Keywords: minors, deviant behavior, offense, crime.

**КОНТРОЛЬ НАД РАСПРОСТРАНЕНИЕМ
ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ В СОВЕТСКОМ
ГОСУДАРСТВЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГГ.**

А.М. Подлужная

*ФГБОУ ВПО Пензенский государственный университет
г. Пенза, Россия*

В статье раскрыты отдельные аспекты распространения печатных изданий в советском государстве в начале 1920-х гг. Затронуты проблемы разрешительных виз на ввоз и вывоз литературы за границу. Рассмотрена цензурная деятельность некоторых контрольно-надзорных органов в сфере распространения печатных изданий. Раскрыта роль военной цензуры в данной сфере.

Ключевые слова: цензура, военная цензура, печатные издания, идеологический надзор, цензурный контроль, Госиздат, политконтроль.

В начале 1920-х гг. в советском государстве на первый план выходит цензурная деятельность в области печати, издательств и распространения информации. В этот период создается и начинает функционировать сложная, иерархичная система органов, наделенных полномочиями идеологического контроля и надзора в данной сфере. Распространению по стране книг, брошюр, периодических изданий, учебной и художественной литературы, как вышедших в стране, так и поступающих из-за границы, уделялось особое внимание. Но, несмотря на сложноорганизованную систему контроля и надзора, государству не удавалось получить желаемых результатов, на что были вполне объективные причины. Одна из причин этого заключалась в заорганизованности и наделении различных органов одними и теми же полномочиями. Эффективность функционирования контрольных и надзорных органов в сфере распространения печатных изданий снижалась и в связи с отсутствием надлежаще подготовленных идеологически

выверенных кадров. Особенно эта проблема остро стояла в регионах.

Важным для укрепления цензуры печати и информации как в центре, так и на местах в начале 1920-х гг. было «Обязательное постановление о централизации печатного дела» [1, д. 656, л. 268], в соответствии с которым вся литературно-издательская и агитационно-пропагандистская деятельность в губерниях, дело учета и распределения писчей бумаги, печатных произведений сосредоточивалась в губернских отделениях Государственного Издательства. Без визы заведующего отделением Госиздата Полиграфический отдел не мог принять для исполнения ни одной работы, будь то книга, брошюра, плакат и прочее. Исключение составляли лишь бланки, канцелярские формы и другие материалы подобного рода.

Не менее важным для организации цензуры в 1920-е гг. было также распространение Циркуляра следующего содержания: «Всем Уездным отделам Управления! Настоящим предписывается вам сделать распоряжение всем типографиям о нижеследующем порядке рассылки печатных произведений, в них издающихся.

Типографии непосредственно от себя должны пересылать все печатающиеся у них периодические и непериодические издания в Петроградскую Книжную Палату в количестве 8 экземпляров, а в Информационно-инструкторский подотдел губернского Отдела Управления препровождать 2 экземпляра тех же изданий с сопроводительным списком отосланных в Книжную Палату изданий; в сопроводительном списке следует указывать время отсылки изданий.

Издающиеся местные периодические органы подлежат распространению по другим уездам губерний также непосредственно их редакциями; 1 и 15 числа каждого месяца в Информационно-инструкторский подотдел следует давать справки о распространении этих органов. Кроме того, 1 и 15 числа каждого месяца Информационно-инструкторские подотделы обязаны давать таковому же подотделу Губотдела Управления сведения о получаемой и распространяемой литературе по прилагаемой на обороте форме» [1, д. 777, л. 1].

В рассматриваемый период особое значение приобретает внешняя цензура. Особое внимание в рамках осуществления дан-

ного вида надзора уделялось распространению за рубежом советских изданий. Разрешение на их вывоз за пределы границ государства могли дать только партийные органы. В частности, разрешительной деятельностью в данном направлении занимались отделы политконтроля ГПУ как в центре, так и в регионах. Так, например, в январе 1923 г. Петроградский отдел Главлита уведомляет именно данный орган о том, что препятствий к вывозу за границу «Самоучителя французского языка» Туссена и Лангенштейда не встречается [6, д. 18, л. 1]. В данном документе содержится подобная информация и о рукописи академика Бехтерева «Извращенности с точки зрения рефлексологии» [6, д. 18, л. 2].

Право на выдачу разрешительной или запретительной визы, на вывоз печатных изданий за границу имел и Главлит. В январе 1923 г. Российский Гидрологический Институт направил в этот орган документ с просьбой разрешить отправку за границу ряд книг [6, д.18, л. 6]. В перечне значились, например, следующие издания: Васильев А.В. «Николай Иванович Лобачевский». Изд. 1914 г.; «Труды Олонецкой Научной Экспедиции». Изд. 1922 г.; Васильев С.А. «Схема путей Дальнего Востока». Изд. 1913 г. и пр.

В рассматриваемый период активно распространялась за границей учебная и научная литература, издаваемая в советском государстве. Но даже ее не могли вывозить свободно. Необходимо было получать разрешительную визу органов, осуществляющих идеологический контроль над выпускаемыми в стране печатными изданиями. Так, например, в феврале 1923 г. Петроградский областной отдел Главлита дал свое разрешение на пропуск за границу сорока девяти учебников средней школы, а также рукописи Л.В. Шубникова «Определение атомных весов методом положительных лучей» и К.М. Варшавского «Судоустройство РСФСР» [6, д. 18, л. 17, 26–27, 30].

С 1922 г. ноты и газеты, издаваемые в регионах, представлялись в количестве 8 штук в Российскую Книжную палату, если их тираж был более 100 экземпляров, если меньше, то 5 % тиража, но не менее 1 издания [3]. Также 1 % изданий должен был в обязательном порядке направляться в политотдел Госиздата, в обязанности которого входила выдача разрешительной визы на распространение полученного печатного материала [6, д. 5, л. 5]. Отделы НКВД в регионах систематически делали запросы в этот

орган о выданных разрешениях. Так, например, в мае 1922 г. Петроградский губернский отдел НКВД направил официальное письмо в политотдел Госиздата, в котором просил дать заключение о разрешении на распространение журнала «Утренник». При этом один экземпляр данного издания был выслан в Госиздат непосредственно отделом НКВД [6, д. 5, л. 3].

В 1923 г. выходит постановление об обязательной сдаче 25 экземпляров всех изданий (за исключением ежедневных периодических изданий) в Российскую центральную Книжную палату [4, д. 274, л. 45]

Кроме высылки печатных изданий, все издательства и торговые отделения Госиздата ввиду необходимости точного учета типографий, издательств и изданий, выходящих в губернии, должны были также высылать в адрес Российской книжной палаты нижеследующее: «1) списки типографий и издательств региона с указанием адресов и ответственных лиц каждого из них; 2) еженедельно списки выходящих в регионе изданий с указанием следующих сведений: а) автор, б) название, в) место издания, г) год издания, д) издательство, е) типография (адрес)» [2]. Сопроводительные списки, отсылаемые в Книжную палату, имели определенную форму [1, л. 17].

Строгий контроль над распространением выходящих в государстве изданий осуществлялся также в рамках военной цензуры. Данный институт в рассматриваемый период времени имел очень большое значение, так как установившейся власти необходимо было устранить угрозы своей стабильности, возникающие как внутри государства, так и поступающие из-за рубежа. В рамках военной цензуры регулярно составлялись списки разрешенных печатных материалов, которые направлялись в органы ГПУ/ОГПУ/НКВД для особого рассмотрения и подтверждения. Военной цензуре подвергались не только печатные издания, но и афиши, выпускаемые типографиями [6, д. 5, л. 8–18].

Списки разрешенных к распространению изданий также направлялись в политотделы ГПУ. Они, в свою очередь, также занимались надзором за политредакторами, осуществляющими свою деятельность в типографиях. Политотдел ГПУ должен был строго следить за идеологическими настроениями в их среде [6, д. 5, л. 34].

Особый контроль над издательской деятельностью и функционированием типографий осуществлял Главлит и его отделения на местах. Ему направлялись все списки разрешенных к распространению печатных изданий, выпускаемых в государстве и поступающих из-за границы. Главлит находился в постоянном взаимодействии с Госиздатом и политконтролем ГПУ [6, д. 5, л. 19]. Первый мог самостоятельно наложить запрет на распространение той или иной литературы, а также аннулировать разрешение или запрет, вынесенные иными органами [6, д. 3, л. 5].

В полномочия Главлита входило также осуществление военной цензуры. В частности, этот орган обязан был составлять перечни информации, составляющей государственную или военную тайну и не подлежащей распространению [6, д. 1, л. 75].

В связи с существующими в стране в рассматриваемый период серьезными экономическими и политическими проблемами, результатом которых становились голод и безработица, приходилось усиливать и надзор за публикуемой в печати информацией о жизни общества. В связи с этим, например, в 1925 г. партийным руководством Пензенской губернии было «рекомендовано» не допускать помещения в печати сообщений о самоубийствах и случаях умопомешательства на почве возникшего экономического кризиса и личных проблем [4, д. 752, л. 19].

Несмотря на проведение достаточно активных мер по организации цензурного надзора над печатным делом и централизации управления им, ко второй половине 1920-х гг. желаемых результатов достичь не удалось. Недоработки были даже на уровне центральных органов управления. Например, партийное руководство отмечало, что в общей массе продукции ГИЗа прорывались все еще отдельные книги, идеологически не выдержанные и даже вредные.

Причины неудач проводимой политики видели, главным образом, в недостаточной работе по воспитанию в читателе критического подхода к чуждой партии литературе, особенно это касалось художественных изданий.

Ко второй половине 1920 гг. не было налажено крепких устойчивых связей Госиздата с губернскими, уездными партийными, профессиональными, кооперативными и культурно-просветительными организациями в связи с недостаточно еще проведенной коммунизацией аппарата на местах [5].

Таким образом, цензурный контроль над печатным делом в 1920-х гг. в государстве в целом и в регионах был направлен, в первую очередь, на обеспечение полноценной реализации основных партийных директив. Печать рассматривалась как одно из основных средств формирования массового сознания, поэтому нельзя было допустить проникновения в нее чуждой идеологии. Результаты тотального контроля были неоднозначными. С одной стороны, происходило нарушение прав человека на свободу слова, печати и даже мыслей. Обществу навязывалась всеобщая точка зрения. Можно даже говорить об ограниченности в понимании литературы классиков, так как многие их произведения были изъяты из свободного доступа.

Литература

1. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. р. – 2. Оп. 1.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. р. – 395. Оп. 1. Д. 96. Л. 8.
3. ГАРФ. Ф. р. – 395. Оп. 5. Д. 7. Л. 21.
4. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 60.
5. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 30. Л. 184, 185.
6. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. 31.

CONTROL OVER DISTRIBUTION OF PRINTING EDITIONS IN THE SOVIET STATE IN THE FIRST HALF OF THE 1920TH.

A.M. Podluzhnaya

*FSBEI HPE «Penza State University»
Penza, Russia*

In article separate aspects of distribution of printing editions in the Soviet state in the early twenties are opened. Issues of allowing visas on import and export of literature abroad are touched. Acceptable activity of some control supervisory authorities in the sphere of distri-

bution of printing editions is considered. The role of military censorship in this sphere is opened.

Keywords: censorship, military censorship, printing editions, ideological supervision, acceptable control, State publishing house, political control.

УДК 343.985

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ С УЧАСТИЕМ ЛИЦ, ИМЕЮЩИХ ДЕФЕКТЫ ПСИХИКИ

Е.Ю. Самолаева

*АНО ВО «Международная академия бизнеса и управления»
г.Москва, Россия*

В статье рассмотрен подход к оценке результатов предъявления для опознания, произведенного с участием лиц, имеющих дефекты психики.

Ключевые слова: предъявление для опознания, предварительное расследование, психические недостатки.

Наличие у лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, дефектов психики, требует от лица, производящего расследование, особого подхода к тактике работы с этими гражданами. Это относится и к производству такого следственного действия, как предъявление для опознания.

Предъявление для опознания – это широко используемое в ходе расследования различных видов преступлений следственное действие. Его особенностью является то, что опознающий воспринимает первоначально в ходе допроса воспринимаемую им при определенных обстоятельствах информацию об объекте (описывает его), а затем в ходе опознания отождествляет предъявляемый объект с ранее воспринимавшимся, либо устанавливает его сходство или отсутствие.

Данное следственное действие характеризуется сложностью его организации и производства (особенно при предъявлении для

опознания живых лиц), наличием множества факторов, влияющих на оценку его результатов (процессуальное положение опознающего, его отношение к опознаваемому лицу, психическое и физическое состояние в момент его восприятия опознающим, степень выраженности индивидуальных признаков опознаваемого и др.) Кроме того, результаты проведения предъявления для опознания нередко являются решающими для расследования.

В юридической литературе встречается мнение, что наличие психических отклонений у субъекта предъявления для опознания может препятствовать правильному восприятию и передаче признаков наблюдавшихся ими объектов, что исключает их участие в данном следственном действии [1]. Мы полагаем, что психические недостатки, нарушающие познавательные процессы, могут снижать возможности опознающего, но не должны выводить полученные результаты из числа доказательств.

Считаем, что сложности производства и оценки результатов рассматриваемого следственного действия связаны с недостаточным использованием методических рекомендаций по тактике производства следственных действий с указанной категорией лиц, а также отсутствием законодательной регламентации производства следственных действий с участием лиц, рассматриваемой категории [2].

Из допускаемых при производстве такого опознания ошибок можно отметить, прежде всего, отсутствие взаимодействия с лицами, участвующими в производстве по уголовному делу. Психологический контакт, необходимый при производстве всех следственных действий, должен устанавливаться не в ходе предъявления для опознания, а ранее, еще при предшествующих ему допросах.

Помимо этого следователь должен знать тактические приемы психологического воздействия на лиц, имеющих психические недостатки, в целях получения достоверного результата как в ходе предъявления для опознания, так и иных следственных действий. При этом такое воздействие ни в коем случае не должно ущемлять права ни этих лиц, ни других участников уголовного процесса. Оно должно побуждать их только к добросовестному выполнению своих прав и обязанностей как свидетеля, потерпевшего или иного участника.

Так, перед предъявлением для опознания лиц, страдающих психическими недостатками, рекомендуется установить особенности их памяти, мышления, состояния органов чувств (зрения, слуха). У психически неполноценных лиц следует выяснить, что они лучше запоминают (цифры, даты, форму предметов, цвет, фасон одежды). В ходе допроса необходимо проверять их ответы путем постановки контрольных вопросов.

Необходимо помнить об их быстрой утомляемости, нередко недлительной концентрации внимания, возможной раздражительности, а также возможности срыва следственного действия. Рассматривая категория лиц, как правило, легко ранима, обидчива, часто замыкается в себе и в своих переживаниях. Незначительное замечание может стать причиной возникновения психологического барьера во взаимоотношениях со следователем.

Следует также иметь в виду, что психические больные иногда скрывают свою болезнь, указывают реальные мотивы совершения общественно опасного деяния и стремятся доказать, что они здоровы, а другие, наоборот склонны преувеличивать болезненные явления.

Для правильного выбора тактики производства опознания следует также воспользоваться информацией, полученной при принятии решения о его проведении (из допросов, выемок, личных наблюдений и т.д.).

Для определения психического состояния потерпевшего, свидетеля, обвиняемого или подозреваемого, если оно вызывает сомнение в способности данного лица правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания, согласно пп. 3, 3.1, 3.2, 4 ст. 196 УПК РФ, может быть назначена соответствующая судебная экспертиза. Если экспертизой будет установлено, что данное лицо не способно в силу психологических недостатков произвести опознание или дать показания в отношении интересующего следствие объекта или может нанести ему психологическую травму, то опознание вообще проводить не следует.

Сложности в оценке результатов предъявления для опознания могут быть связаны и с ситуацией, когда лицом с дефектами психики является опознаваемый. Здесь также существует возможность срыва им производства следственного действия, например, внезапным объявлением, что это его опознают. Для

недопущения этого и получения не подвергающихся сомнению доказательств следователю предварительно необходимо предпринять соответствующие меры, в частности решить вопрос о проведении предъявления для опознания с участием указанных лиц в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым, поскольку обстановка производства следственных действий в данном случае должна быть максимально спокойной, бесконфликтной, исключающей возможность оказания на опознающего со стороны опознаваемого или его знакомых и родственников психологического воздействия.

Ни по одному уголовному делу расследование и судебное разбирательство не может быть успешным, если не будут выяснены и учтены индивидуальные свойства опознающего, как страдающего психическими недостатками, так и не страдающего ими, и в отношении кого такие недостатки не обнаружены. Это необходимо не только для успешного осуществления процессуальных действий, но и для обеспечения и защиты их прав и законных интересов. Сложность при этом нередко заключается и в большом разнообразии психических недостатков.

Нередко причиной признания результатов предъявления для опознания недопустимым доказательством или «снижения» его доказательственной силы становится совершение тактических и процессуальных ошибок.

Совершение ошибок процессуального характера более заметно (ввиду наглядности их отражения в протоколе). Последствия в виде исключения его результатов из числа доказательств, может нанести существенный урон всему уголовному делу, так как недопустимо производство повторного предъявления для опознания объекта по тем же признакам. Тем более, что результаты предъявления для опознания признаются одними из наиболее убедительных для суда по уголовному делу, а часто даже основными.

Выбор следователем (дознавателем) тактических приемов производства предъявления для опознания и своего поведения непосредственно влияет на успех проведения рассматриваемого следственного действия не меньше, чем соблюдение установленных законом норм, в частности статьи 193 УПК РФ. Кроме того, как показывает практика, следователи и дознаватели не всегда

знакомы с основами психологии, тактикой и методикой работы с рассматриваемой категорией граждан.

Таким образом, лицом, осуществляющим расследование уголовного дела, должны быть тщательно оценены все обстоятельства, связанные с участием в нем лиц, имеющих психические недостатки. Это требование относится и к случаям производства такого следственного действия, как предъявление для опознания, итогом проведения которого должен стать вывод следователя (дознавателя) о достоверности, недостоверности или неопределенности его результатов.

Литература

1. Цветков, П.П. Предъявление для опознания в советском уголовном процессе / П.П. Цветков. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. С. 26
2. Самолаева, Е.Ю. Тактика предъявления для опознания людей (уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты): учебно-практическое пособие / Е.Ю. Самолаева. - М.ЦОКР МВД России, 2008. – С. 134.

FEATURES OF THE PRODUCTION OF THE IDENTIFICATION PARADE WITH THE PARTICIPATION OF PERSONS WITH DEFECTS OF MENTALITY

E.Y. Samolaeva

*ANO HE «International Academy of business and management»
Moscow, Russia*

In the article the approach to the assessment of the results of presentation for identification, produced with the participation of persons with mental disabilities.

Keywords: submission for identification, preliminary investigation, mental deficiencies.

**СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ БЕСПРИЗОРНИКА
1930-Х – 1940-Х ГГ. В РОССИИ
(НА ПРИМЕРЕ ПЕНЗЕНСКОГО РЕГИОНА)**

Н.В. Семина

*ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет»
г. Пенза, Россия*

Статья посвящена характеристике социального портрета беспризорника 1930-х – 1940-х гг. в России (на примере Пензенского региона). Отмечаются положительные и отрицательные черты личности несовершеннолетнего беспризорного, сочетание которых помогало выработке мер борьбы с беспризорностью.

Ключевые слова: беспризорность, социальные сироты, социальный портрет, меры борьбы.

Важнейшей задачей профилактики безнадзорности, беспризорности и правонарушений несовершеннолетних являлось и является своевременное и эффективное предотвращение заранее предпринятыми мерами процесса предупреждения формирования у ребенка антиобщественных взглядов. В отношении несовершеннолетних, которые уже вступили на путь беспризорности, должна быть реализована другая задача – переориентировка ценностей. Для этого необходимо четко представлять, кто такой беспризорник, каков процесс становления его личности.

Беспризорник 1930-х – 1940-х гг. предстает перед нами внешне похожим на своего предшественника. Он такой же грязный, оборванный, голодный, бесполой, выглядит младше своего возраста. Контингент беспризорников состоял из детей, чьи родители погибли на фронте, были репрессированы. Беспризорные дети этого периода чаще всего – «социальные сироты» в сегодняшнем понимании. Из-за разрухи, голода многие родители оказались неспособными воспитывать, содержать и кормить своих детей. Последних заставляли попрошайничать, продавать на

базаре вещи, менять товар на продукты. Происходит разрыв в отношениях между детьми и родителями, и несовершеннолетние начинают сами уходить из семьи. Существует статистика, что 43 % ушли из семьи из-за недостатка внимания, 17,2 % – материальной необеспеченности, 14,5 % имели тягу к путешествиям [1, с. 64]. Увеличивается также число сбежавших из различных государственных воспитательных учреждений, куда они были помещены или сданы родителями, т. к. условия жизни там были невыносимыми: дети жили в антисанитарных условиях, голодали, над ними издевались.

Яркой иллюстрацией является обследование детдома в городе Пензе по ул. Суворовской, 39: «Занимаемое детдомом помещение грязное, тесное, не отапливается, окна не застеклены, двери не затворяются, крыльцо, коридор превращены в уборную ... размещено 70 ребят, над которыми надзора со стороны воспитателей не имеется, вследствие чего ребята не умываются, редко моются в бане (1 раз в 1-2 месяца), не производится им стрижка волос и ногтей, среди них распространена вшивость, брюшной тиф, не имеется изолятора для больных. ... в холодной, не отапливаемой комнате больные ребята, страдающие мочеиспусканием, спят по двое, клеенок на кроватях нет. Смена белья производится 1 раз в 2-3 месяца. Ребятам дается в пищу грязная мороженая картошка. От жажды едят лед с окон. Хлеб не додается в день по 200 гр. Практикуются жесткие меры наказания: в холодной комнате заперт беспризорник, которого душили. На некоторых ребятах нет обуви и одежды, несмотря на то, что обувь и одежда имеются в запасе» [2, д. 37, л. 3]. Такое же положение было и в других детских домах Пензенского региона [2, д. 37, л. 4–6]. Поэтому неудивительно, что большинство детей бежали из детских домов. Например, из расшифровки графы выбытия детей по «прочим» причинам, в годовом отчете за 1944 г. по Пензенской области, видно, что более 80 % совершили побег из детских домов [3, д. 764, л. 2] (таблица 1).

Беспризорниками тогда становились в основном городские жители, несмотря на то, что страна была аграрной. Это можно объяснить проблемой выживания в городе в сложившихся условиях (преимущественно из-за голода).

*Таблица 1 – Статистика детских домов
в Пензенском регионе*

	Всего выбыло по прочим причинам	В том числе							
		Побег из д/д	Смерть	Увоз детей без ведома адм-ции	Усыновление	Не вернулись с летних каникул	По болезни	Выезд из города	В труд-колонию
Д/д общего типа	249	233	10	5	1				
Д/д глухонемых	15	3	1			11			
Д/д особого режима	27	11							6
Вспомогательная школа	9		1				1	7	
Итого	300	247	12	5	1	11	1	7	6

Дети постоянно мигрировали, но это носило сезонный характер. Часто число приезжих беспризорников превышало количество местных. Жили такие несовершеннолетние также группами на чердаках, вокзалах, рынках, в подвалах. Средства добывали игрой в карты, попрошайничеством, воровством (в основном продуктов питания).

Из следующей таблицы можно увидеть половой и возрастной состав беспризорных, находившихся в детских домах Пензенской области в 1944 г. [3, д. 764, л. 2] (таблица 2).

Таблица 2 – Возрастной состав беспризорных в детских домах Пензенской области в 1944 г.

Типы учреждений	Кол-во учреждений	Числятся по списку			Возраст детей			
		Мальчиков	Девочек	Всех детей	7 лет и моложе	8-11 лет	12-14 лет	15 лет и старше
Всего д/д	30	1525	1493	3018	755	1015	1008	240
Общего типа	26	1324	1352	2676	748	900	874	154
Для глухонемых	2	92	96	188	5	59	60	64
С особым режимом	1	67	-	67	2	25	35	5
Вспомогат.	1	42	45	87	-	31	39	17

На 1 апреля 1947 г. по Пензенской области имелись следующие сведения о составе воспитанников детских домов [3, д.845, л. 64] (таблица 3).

Таблица 3 – Сведения о составе воспитанников детских домов по Пензенской области в 1947 г

Всего детей	из них		сирот	полусирот	Дети родит.	Из них детей погиб. воинов	По национальности							
	мальчиков	девочек					Рус.	Укр.	Белор.	Татар	Морд.	Чув.	Евр.	Раз.
3060	1564	1496	2112	920	28	1350	297	24	6	22	22	4	24	9

Таким образом, подавляющее большинство беспризорных – это лица 8–14 лет. По национальному признаку среди беспризорников можно выделить русских, украинцев, евреев. Разделение по полу на мальчиков и девочек почти равномерное. По семейному положению преобладают сироты.

На основании изложенного можно представить собирательный образ беспризорника. Несовершеннолетний беспризорный – это оборванный, грязный, вечно голодный ребенок, без определенной национальности и возраста, при этом постоянно просящий милостыню. Внешне он никогда не выглядит на свой возраст. Физически беспризорники практически все отставали в развитии от своих сверстников, потому что постоянно курили, пили самогон, нюхали кокаин. Каждый из них был заражен какими-либо заболеваниями: цингой, тифом, кишечными инфекциями. Общей бедой для всех была дистрофия.

Плохое физическое самочувствие усугублялось отсутствием нормальных условий для жизни. Беспризорный рано вышвырнут из условий родительской и прочей взрослой опеки на улицу, в обстановку жизненной борьбы. Такие дети быстро делаются агрессивными, грубыми. Неустойчивые, часто меняющиеся условия уличной жизни делают беспризорных непоседливыми, а необходимость непрерывно выискивать новые способы питания,

подчас очень сложные, развивает у них тягу к авантюризму, питающемуся к тому же «авантюрным» уклоном переходного юношеского возраста и соответствующими влияниями окружающих взрослых.

Однако уличная жизнь дала беспризорному и положительные качества. В уличной борьбе он приобретает прочную закалку и гибкость. Беспризорник чрезвычайно активен, очень требователен к себе и другим, это формирует у него точность, четкость в отношении к миру. Среда искривила, дезорганизовала беспризорника, но та же среда закалила и обогатила его.

Литература

1. Зезина, М.Р. Система социальной защиты детей-сирот в СССР / М.Р. Зезина // Педагогика. – 2000. – № 3. – С. 58-67.

2. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. р. – 315. Оп. 1.

3. ГАПО. Ф. р. – 1381. Оп. 1.

SOCIAL PORTRAIT OF HOMELESS CHILDREN 1930 S – 1940S. IN RUSSIA (THE EXAMPLE OF THE PENZA REGION)

N.V. Semina

*FSBEI HPE «Penza State University»
Penza, Russia*

The article is devoted to the social portrait of homeless 1930s – 1940s. in Russia (on the example of Penza region). There have been positive and negative personality traits unaccompanied minor, the combination of which helps to develop measures to combat homelessness.

Keywords: homelessness, social orphans, social portrait, control measures.

РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ФРАНЦУЗСКОГО КУЛЬТУРНОГО ПРИСУТСТВИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

П.А. Спиридонов

*ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет»
г. Пенза, Россия*

В статье рассматривается развитие институциональной основы французской внешней культурной политики в России 1990–2010 гг. Процесс, направленный на усиление французского культурного присутствия, анализируется в контексте общих изменений, затронувших всю систему внешней культурной деятельности Франции и распространявшихся по направлению от центра к периферии.

Ключевые слова: российско-французские культурные связи, внешняя культурная политика.

К моменту распада СССР внешняя культурная политика для Франции являлась объективной реальностью и органичным элементом международной деятельности Республики. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. французская внешняя культурная политика – это фиксированная в национальном общественно-политическом дискурсе (в том числе, официальном) система с долгой историей, богатым опытом и идеей «французского культурного сияния» (*le rayonnement culturel*), составляющей ее концептуальную основу. Но главное обстоятельство, делающее эту систему осязаемой и определяющее ее специфику, заключалось в наличии профильной государствоцентричной инфраструктуры с координационным центром на министерском уровне и развитой зарубежной сетью.

В послевоенный период Франция начала создавать культурные центры за рубежом, которые (наряду с культурными институтами) в 1976 г. получили статус учреждений с финансовой автономией под общим руководством посольства Франции в стране размещения. Сеть французских культурных центров и институтов составила, таким образом, вторую (после культурных служб по-

сольств) линию внешней культурной политики Франции. В этой связи, в институциональном отношении французское культурное присутствие в СССР конца 1980-х гг., обеспечиваемое, главным образом, Посольством Франции, можно считать усеченным.

В 1980-х гг. в условиях общественно-политической демократизации в государствах ОВД вакуум культурного присутствия капиталистических стран, созданный «железным занавесом», закономерно начинает заполняться, в том числе, за счет создания французских культурных центров. Этот процесс затронул и СССР: в июле 1989 г. между правительствами Франции и СССР достигнуто соглашение о взаимном создании культурных центров, которое, однако, не успело вступить в силу до распада СССР. В ноябре 1992 г. новое соглашение подписано уже между правительствами РФ и Франции (необходимо отразив изменившиеся политико-правовые реалии, договор практически полностью повторил текст соглашения 1989 г.) [2]. Из-за затянувшейся ратификации оно вступило в силу только в 1994 г., что не помешало фактическому открытию в 1992 г. Французского института в Санкт-Петербурге, а в 1993 г. – Французского культурного центра в Москве [3]. Несмотря на различные наименования, эти институции получили одинаковый статус (после официального открытия в 1994 г.) и общие функции.

Кроме того, еще в июне 1991 г. в Санкт-Петербурге был открыт Альянс Франсез, как и сотни Альянсов по всему миру – независимая общественная организация по продвижению французского языка и культуры, созданная и функционировавшая в соответствии с местным – советским, а затем российским законодательством, и являвшаяся франшизой французской некоммерческой ассоциации Альянс Франсез Парижа. Хотя и парижский Альянс, и Альянсы за рубежом являются неправительственными организациями, их тесные связи с Министерством иностранных дел и посольствами Франции соответственно позволяют считать Альянсы третьей линией (самой «слабой» с точки зрения государственного вмешательства) французской внешней культурной политики. Таким образом, уже к середине 1990-х гг. в России была развернута «стандартная» инфраструктура французского культурного присутствия, ограниченная пространством двух «столиц».

Хотя к концу XX в. состояние и специфика французской внешней культурной политики позволяли говорить о существовании особой французской модели, ее институциональная структура в 1990–2010 гг. не была незыблемой. Отражая иерархический характер структуры, основные ее изменения развивались сверху вниз – от Министерства иностранных дел Франции, ключевого координатора внешней культурной деятельности, к зарубежной сети. В 1990 г. с созданием под контролем МИДа Агентства по французскому образованию за рубежом (AEFE) система внешней культурной политики Франции встала на путь разгрузки министерств путем передачи исполнительских функций операторам, пользующимся определенной автономией, – этот процесс растянулся на два с лишним десятилетия [1]. В 1992 г. Французский лицей им. А. Дюма в Москве, созданный в 1959 г. для обучения детей французских граждан, проживающих в СССР, перешел под контроль вышеупомянутого AFEE и открылся для российских граждан. В 2002 г. сеть школ AFEE пополнилась за счет открытия Французской школы А. Мальро в Санкт-Петербурге [3].

В 1998 г. для повышения привлекательности французской системы высшего образования учреждено Агентство продвижения образовательных и научных программ и обменов EduFrance. В 2000–2002 гг. представительства EduFrance появляются в Москве, Самаре и Санкт-Петербурге, в 2004 г. – в Новосибирске, Екатеринбурге и Нижнем Новгороде. В 2007 г. вслед за преобразованием Агентства в CampusFrance его российские представительства сменили вывески [3].

В 2011 г. трансформация еще одного оператора внешней культурной политики Франции – ассоциации CultureFrance (создана в 2006 г.) в Французский институт повлекла за собой обманчивый ребрендинг: бывшие культурные центры в разных странах стали Французскими институтами, не переходя (за рядом исключений), в отличие от представительств CampusFrance или учреждений AFEE, под контроль одноименного оператора. С 1 января 2012 г. Французский культурный центр в Москве стал Французским институтом в России с филиалом в Санкт-Петербурге [3].

В первой половине 2000-х гг. происходит прорыв в развитии международного движения Альянс Франсез в России: в крупных

городах страны (Самара, Нижний Новгород, Екатеринбург, Тольятти и др.) учреждено 8 Альянсов. С открытием Альянс Франсез в Рыбинске в 2012 г. их число достигло 12 [3]. Обращает на себя внимание тот факт, что также с начала 2000-х гг. французский МИД наращивает сотрудничество с лидером движения – парижским Альянсом (с 2007 г. – его преемником Фондом Альянс Франсез) посредством заключения рамочных соглашений (с 2001 г. последовательно подписано 5 соглашений), к аналогичной практике прибегают культурные службы Посольств в отношении Альянсов в странах своего размещения. Значение, которое французские власти придают Альянсам, символически демонстрирует то, что первый российский Альянс 2000-х гг. в Самаре был торжественно открыт президентом Франции Ж. Шираком.

Таким образом, в 1990–2010 гг. государственная система поддержки французского культурного присутствия в России находится в состоянии поступательного развития. Если в начале 1990-х гг. положительную динамику обеспечило формирование учреждений Посольства Франции (Культурный центр в Москве и Французский институт в Санкт-Петербурге), то в 2000-е гг. точками роста стали общественные организации Альянс Франсез в разных регионах России, пользующиеся поддержкой Посольства. Конкретные объемы и формы развития указанной инфраструктуры отражают необходимость наверстать утраченное время в условиях постоянной трансформации всей системы органов и учреждений французской внешней культурной политики.

Литература

1. Opérateurs du MAEDI // Официальный сайт Министерства иностранных дел и международного развития Франции. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/operateurs-du-maedi/>

2. Перечень двусторонних международных договоров Российской Федерации – Франция // Архив Министерства иностранных дел РФ. [Электронный ресурс]. – URL: http://archive.mid.ru/spd_md.nsf/webcantr/

3. Французское присутствие в России // Официальный сайт Посольства Франции в России. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ambafrance-ru.org/-Francuzskoe-prisutstvie-v-Rossii->

THE DEVELOPMENT OF INSTITUTIONAL INFRASTRUCTURE FOR FRENCH CULTURAL PRESENCE IN POST-SOVIET RUSSIA

P.A. Spiridonov

*FSBEI HPE «Penza State University»
Penza, Russia*

The article treats the evolution of the institutional basis for French cultural presence in Russia in the 1990s–2010s. The process moved by the need to reinforce cultural influence is analysed in the context of the permanent top-down transformation of the whole system of French international cultural policy.

Keywords: France-Russia cultural relations, international cultural policy.

УДК 333. 160. 2 (471.327)

КРЕСТЬЯНСКИЕ СУДЬБЫ В УСЛОВИЯХ «ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА»

А. В. Тишкина

*ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет»,
г. Пенза, Россия*

Научная работа посвящена влиянию коллективизации и раскулачивания на жизнь и судьбу крестьянских семей Пензенского края. Особое внимание уделено лишению избирательных прав, конфискации имущества, выселению, самораскулачиванию.

Ключевые слова: отечественная история, XX век, экономическое развитие, коллективизация, раскулачивание.

В исторической памяти нашего народа период коллективизации и раскулачивания является одним из самых болезненных. Трудно найти россиянина, чьи предки, родственники или знако-

мые не были затронуты этими процессами, изменившими жизнь целых поколений.

Подводя итоги коллективизации, можно найти положительные результаты, например, возможность использовать технику в сельском хозяйстве, развитие агрономических знаний, внедрение необходимых технических культур. Но, изучая практику раскулачивания, явно выделяются страдания и несправедливость в жизни десятков тысяч жителей деревни, в том числе, пензенской. При этом общегосударственная задача была выполнена: сельское хозяйство стало частью плановой экономики, гарантировавшей поступление хлеба в государственные амбары.

Материалы Государственного архива Пензенской области (ГАПО) предоставляют уникальную возможность установить влияние государственной политики на жизнь пензенских крестьян. Всего в процессе исследования обработано 6611 личных дел глав крестьянских семей, в той или иной форме подвергшихся воздействию со стороны государства. Дополнительные возможности для изучения предоставляют повагонные списки выселенных пензенских крестьян и списки кулаков по районам. В результате проделанной работы выявлены 7966 глав семей [5]. Основные итоги обработки этих данных представлены в научных монографиях [1].

В данной статье ставится задача выявления наиболее типичных сюжетов в крестьянских судьбах периода коллективизации, таких как лишение избирательных прав, раскулачивание, выселение, самораскулачивание и другие.

Основную массу изученных документов составляют личные дела так называемых лишенцев. В принципе, в это время на практике происходило отождествление понятий «лишенец» и «кулак». Только две категории лишенцев не вписываются в общий репрессивный фон документов исследованного фонда: душевнобольные и осужденные за корыстные и порочащие преступления. Их анкеты не были включены в итоговые подсчеты.

Основное влияние на изменения в судьбах деревенских жителей в конце 1920-х – 1930-е годы оказывали (кроме упомянутого лишения избирательных прав): конфискация имущества, административный арест, чистки (из армии, советских и партийных органов, образовательных учреждений), а также самые жесткие наказания в виде выселения и даже расстрела. В этой ситуации

термин «раскулачивание» предполагал различные сочетания этих форм насилия, в зависимости от того, к какой из трех категорий кулаков относилась кулацкая семья. Характерно, что конфискация имущества не всегда связывалась с раскулачиванием и производилась часто в наказание за невыполнение заданий по хлебозаготовкам. Все эти меры служили для устрашения остального населения деревни и принуждения к вступлению в колхозы.

Отчуждение имущества упоминается в 1000 случаев (из 7966). При этом оно могло производиться несколько раз за период коллективизации. Например, выявлено 128 семей, в которых эта процедура проводилась трижды (в основном, за невыполнение хлебозаготовок); 24 семьи – четырежды. Максимальное число отчуждений имущества – 5 раз (3 случая) [5].

Один из таких примеров. Владелец мельницы из с. Дурасовка Пензенского района, русский, грамотный, был лишен избирательных прав в 1927 г. В период 1927–1931 гг. его имущество отчуждалось каждый год за невыполнение хлебозаготовок, в итоге он был выслан с семьей из 8 человек [2, д. 5891].

Самораскулачивание в изученных документах упоминается 250 раз [5]. Как правило, главы семей скрывались из родного села. Иногда их семьи частично или полностью перебирались на новое место жительства. Нужно подчеркнуть, что бегство из деревни в период коллективизации приобрело большие масштабы, не зафиксированные в полном объеме в изученных нами архивных материалах.

Количество лишенных избирательных прав по РСФСР к концу 1934 г. составило 439833, из них в 1930–1931 гг. – 3,5 %, в 1934 г. – 2,3 %. До 1/3 – с формулировкой «лица, прибегающие к наемному труду» [6, с. 348]. Количество «лишенцев» – глав крестьянских семей в Пензенском крае, по имеющимся материалам, составило 7926 человек [5]. При этом в личных делах есть следующие формулировки о причинах такой ситуации (например, крестьянская семья высылается, а избирательных прав никто не лишился): «по упущению местных органов», «по укрывательству сельсоветом».

Регулярные «чистки», заставлявшие крестьян вновь менять место жительства и деятельности, проводились как на производстве, в армии, так и в самих колхозах. Вот несколько примеров. Крестьянин из с. Алферьевка Пензенского района бежал от рас-

кулачивания в г. Пензу, устроился работать на велозавод, с которого в 1933 г. был уволен «как чуждый элемент» [2, д. 4880]. Крестьянин того же села, предположительно брат вышеназванного, являлся членом сельского совета в период 1928–1932 гг., в 1931 г. вступил в колхоз «Красный животновод». В 1933 г. был «вычищен» не только из сельсовета, но и из колхоза «как сын бывшего кулака, явно вредивший колхозному строительству» [2, д. 4881].

Особо следует остановиться на процессе выселения раскулаченных семей. По этой проблеме в исторической литературе, опубликованных и архивных источниках встречается наибольшее количество сведений. В 1930-е годы подавляющее большинство людей, находящихся на спецпоселении, составляли раскулаченные крестьяне. По подсчетам В. Н. Земскова, через «кулацкую ссылку» прошли порядка 2,5 млн. чел. [3, с. 50]. За весь период коллективизации более 23 000 семей Средней Волги были выселены: в Северный край – 5566, на Урал – 663, в Восточную Сибирь – 620, в Казахстан – 11477, в Дальневосточный край – 2180, в пределах Средней Волги – 2500 [4, с. 178]. В изученных документах из 7966 глав крестьянских семей выселенными названы 5570, что составляет 69,9 % от общего количества [5].

Следует отметить, что в начале 1930-х годов раскулачивание и политические репрессии настолько тесно переплетаются, что разделить их бывает очень сложно. Например, раскулаченные крестьяне часто обвинялись по «антисоветским» статьям, а наказанием было выселение по II категории вместе с остальными «кулаками». Также встречаются случаи, когда ранее раскулаченные, но не выселенные главы крестьянских семей, подвергаются репрессиям позже и выселяются. Перечисленные факты в большом количестве встречаются в период 1932–1934 гг.

Характерно, что процесс коллективизации и раскулачивания затрагивал и членов семей, «от мала до велика». Общая численность пострадавших, материалы о которых имеются в нашем распоряжении, – 53947 чел., в том числе с указанием на возраст – 26801 чел. Из них трудоспособные составляют 16707 чел. или 62 %. Нетрудоспособные соответственно 10094 или 38 % [5].

Если суммировать полученные данные, можно определить социальный портрет раскулаченного пензенского крестьянина. Это мужчина трудоспособного возраста, русский, грамотный,

охарактеризованный в документах как «кулак», в прошлые годы занимавшийся торговлей, лишенный избирательных прав, не принимавший участия в активных формах протестов, выселенный с семьей в 1931 г. по второй категории.

Литература

1. Власов, В.А. Коллективизация и раскулачивание в Пензенском крае / В.А. Власов, О.В. Степанова, А.В. Тишкина. Пенза: ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2009.

2. Власов, В.А., Тишкина А.В. Великий перелом в пензенской деревне / В.А. Власов, А.В. Тишкина. – Пенза: ПГУ; ГУМНИЦ, 2013.

3. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. р-889. Оп. 1.

4. Земсков, В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960 / В.Н. Земсков. – М., 2005. – С. 50.

5. Ивницкий, Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 1930-х гг.) / Н.А. Ивницкий. – М. – 1994. – С. 178.

6. Подсчитано по материалам: ГАПО. Ф. р-889. Оп. 1. ДД. 1-6626.

7. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 4. 1934–1936. М., 2002. С. 348.

COUNTRY DESTINIES IN THE CONDITIONS OF «THE GREAT CHANGE»

A.V. Tishkina

*The Penza state university,
Penza, Russia*

The scientific work is devoted to the influence of collectivization and dispossession on the lives and the fate of peasant families of the Penza region. Particular attention is paid to the deprivation of voting rights, confiscation of property, eviction, self-dekulakization.

Keywords: Russian history, the twentieth century, economic development, collectivization, dekulakization.

КЛУБ КАК ФОРМА КОЛЛЕКТИВНОЙ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В 1920-Е ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ КЛУБА ИМЕНИ 1 МАЯ ПРИ СОЮЗЕ СОВРАБОТНИКОВ)

И.С. Царёв

*ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет»,
г. Пенза, Россия*

Статья посвящена организации и деятельности творческого клуба, существовавшего в 1920-е годы в Пензе.

Ключевые слова: Клуб, творческая организация, кружок, творчество, рабочие.

В настоящее время в Пензе и по всей России создаются творческие клубы, так или иначе стремящиеся влиять на культурную жизнь города или области. Но далеко не все клубы имеют четкую структуру и деятельность, и бывает, что они на деле оказываются клубами друзей, которые затем никого в свой круг не принимают и действуют исключительно в своих интересах. Клубы сейчас имеют уже и другой статус, и более узкую направленность, например, литературный клуб, клуб эсперанто и другие. И существуют такие клубы чаще всего сами по себе. Но для более четкой системы организации клуба и его деятельности можно изучить примеры ранее существовавших творческих организаций. Одним из таких примеров является Клуб имени 1 мая в г. Пензе.

Клуб имени 1 мая существовал, по архивным данным, с 1922 года по 1923 год при Союзе Совработников [1, С. 1]. Он был создан для творческих людей, желавших заниматься чем-либо ещё, помимо работы. Средний возраст участников составлял 18–25 лет. В клубе состояли и очень молодые участники (14 лет), и взрослые люди (до 55 лет).

В клубе существовало 4 кружка: драматический, музыкальный, хоровой и библиотечный. Стоял вопрос и о вхождении в структуру клуба кружка эсперанто, но ввиду того, что в клубе не имелось места для занятий, положительно вопрос решен не был [2, С. 4].

Самыми многочисленными были драматический и хоровой кружки, количество участников в них колебалось от 30 до 50 человек. Малочисленнее были библиотечный и музыкальный кружки, число участников в них не превышало 10 человек на каждый кружок [9, С. 3].

Из числа работников и членов союза всеобщим голосованием избиралось Правление клуба, вначале из 5 человек, затем из 7, а также кандидаты в Правление клуба.

Членом клуба мог стать любой желающий, но для отдельных категорий лиц устанавливались особые правила. Так, для членов Союза Совработников не было вступительных взносов и на все мероприятия клуба их пускали бесплатно. Для безработных либо не членов Союза Совработников был особый порядок. Для них был обязателен вступительный взнос в размере 2 млн. рублей (200 рублей) и рекомендация от трех членов клуба, причем один из них обязательно должен был быть членом Правления [3, С. 1].

При вступлении в клуб каждый участник (кандидат) должен был заполнить анкету, которая содержала как стандартные вопросы (фамилия, имя, отчество, возраст, образование, место работы и жительства), так и особенные: состоите ли Вы членом Союза Совработников или какого-либо другого Союза; состояли ли Вы когда-нибудь в клубах, любительских кружках, студиях, драматических, хоровых; в каких пьесах принимали участие, какие исполняли роли и чувствовали ли себя в них на месте; какие вообще роли можете исполнять (хористы дают ответ о своем голосе); в каком кружке желаете работать (если одновременно в нескольких – необходимо указать прежде основной) [4, С. 3].

По результатам анкетирования Правлением принималось решение: кандидата либо принимали в члены клуба, либо он так и оставался в кандидатах.

Дисциплина в клубах оставляла желать лучшего. Каждый протокол заседаний клуба сопровождался теми или иными замечаниями по поводу нарушения дисциплины, например, члены клуба приходили в нетрезвом виде, «развилась эпидемия грызни семечек, и засорилось помещение шелухой», «во время спевок курить категорически воспрещается» и т.д. [5, С. 12].

Стоит отметить, что Правление старалось наладить дисциплину, регулярное посещение занятий, привить к клубу уважительное отношение. В дальнейшем тех, кто не соблюдал инструкции, не посещал кружки или же приходил «в непотребном виде», исключали из клуба на заседании Правления.

В тех же целях клуб проводил перерегистрацию участников, результатом которой нередко становилось лишение клубного членства.

Для поддержания порядка, как в клубе, так и в читальном зале (открыт в марте 1923 г.) устанавливалось дежурство с подробным инструктажем дежурного [7, С. 3].

Правление клуба еженедельно собирало заседания всех кружков, на которых анализировалась их деятельность, намечались дальнейшие планы. Каждому кружку давались поручения, утверждался репертуар и график концертов.

Репертуар музыкального кружка состоял как из революционных гимнов, так и обычных песен, таких как «Час свиты», «Сеятель», «Пойдем мы в лес», «Вздохов нежных» разных композиторов [6, С. 13].

В драматическом кружке ставились следующие спектакли: «Герой XX века», «Сорванец», «Человек» и другие.

Некоторые концерты приурочивались к праздникам:

12 марта – день свержения самодержавия, спектакль «Насилие» в одно действие; 18 марта – День Парижской Коммуны, спектакль «Мститель» в одно действие [8, С. 2].

Неплохо была поставлена клубная библиотечная работа. Имелся библиотечный кружок, в задачу которого входило, в том числе, привлечение в клуб читателей. Кружок вел учет не только читателей, но и прочитанных ими книг по различной тематике, отдельно выделяя книги марксистско-ленинской направленности.

Как видим, деятельность клуба не была лишена идеологической составляющей.

В конце каждого месяца клуб составлял подробный отчет о проделанной работе. Указывалось, какое количество концертов было проведено, спектаклей показано, лекций прочитано. Концерты и показ спектаклей старались проводить каждую неделю, лек-

ции же проводились редко, и в основном для драматического кружка (о нанесении грима, актёрской игре и тому подобное).

В отчете также указывалось, какое количество людей посещало мероприятия клуба, и если на лекции приходило около 40 человек, то концерты и спектакли пользовались большим успехом: их посещали от 80 до 120 человек одновременно.

Подводя некоторые итоги рассмотрению вопроса, следует сказать, что клуб сыграл положительную роль в привлечении трудящихся к культурному проведению досуга, вовлечению их в самодеятельное творчество, формировании культурных запросов [10,11,12].

Литература

1. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 1010. Оп. 1. Д.1.
2. ГАПО. Ф. 1010. ОП.1 Д.2.
3. ГАПО. Ф. 1010. ОП.1 Д.1.
4. ГАПО. Ф. 1010. ОП.1 Д.9.
5. ГАПО. Ф. 1010. ОП.1 Д.2.
6. ГАПО. Ф. 1010. ОП.1 Д.2.
7. ГАПО. Ф. 1010. ОП.1 Д.2.
8. ГАПО. Ф. 1010. ОП.1 Д.1.
9. ГАПО. Ф. 1010. ОП.1 Д.4.
10. Федосеева, Л.Ю. Материальные и социально-бытовые условия жизни художественной интеллигенции Пензенского края в 1920–1930-е годы / Л.Ю. Федосеева // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. – 2011. – № 23. – С. 607-612.
11. Федосеева, Л.Ю. Ликвидация неграмотности рабочих Поволжья во второй половине 1920-х – середине 1930-х годов / Л.Ю. Федосеева // Исторические записки. – 2002. – № 6. – С. 81.
12. Федосеева, Л.Ю. Современная региональная историография проблем художественной интеллигенции 1920–1930-х гг. / Л.Ю. Федосеева // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. – 2011. – № 23. – С. 601–606.

THE CLUB AS A FORM OF COLLECTIVE CREATIVE ACTIVITY IN THE 1920S BY THE EXAMPLE OF THE CLUB NAME ON MAY 1 AT THE UNION OF SOVIET WORKERS

I.S. Tsaryov

*The Penza state university,
Penza, Russia*

The article is devoted to the organization and operation of the creative club that existed in 1920 in Penza.

Keywords: Club, creative organization, creativity, workers.

УДК 94(47)«1914-1918»

УКРАИНСКИЙ СЕПАРАТИЗМ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ОТ ПРОПАГАНДЫ ДО «САМОСТИЙНОЙ» ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Н.Г. Шелепенькин, Г.Л. Лекомцев

*ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный
исследовательский университет»,
г. Пермь, Россия*

В статье раскрывается связь пропаганды русофобии и сепаратизма украинских националистов с практикой реализации аннексионистских планов Австро-Венгрии и Германии в годы первой мировой войны, от ее начала и до первых внешнеполитических шагов «самостийной» Украины (УНР).

Ключевые слова: рутены, украинский сепаратизм, Украинская народная республика, немецкая оккупация.

С середины XIX века украинство в своем стремлении к независимому национальному существованию обретает черты се-

паратистского движения. Австрия, подготавливая почву для будущих столкновений с Россией, официально нарекла русское население Галиции сначала «рутенами», а позднее – «украинцами», и целенаправленно осуществляла политический курс на борьбу с русским языком, русскими книгами и русскими патриотами. Русофобия глубоко насаждалась в сознание русского населения австрийской провинции. Печатные издания русофобского содержания переправлялись в Россию и распространялись в среде украинских националистов, объединенных в различные кружки, общества и политические клубы.

Начало первой мировой войны было воспринято многими украинскими националистами как реальный шанс обрести независимость от России. Национал-сепаратисты заметно активизировались, и это не было не замечено. Осенью 1914 г. публицист и историк Д.В. Скрынченко опубликовал в консервативной газете «Киев» цикл статей под названием «Война и «украинцы». В одной из них он охарактеризовал деятельность тех «украинцев», которые под вывеской «культурного самоопределения» прививали народу «мазепинские традиции», несовместимые с их заявлениями о лояльности к России. Так, господин Мелиневский был на приеме у Талаат-бея и просил «чтобы Турция помогла образованию самостоятельной Украины и освобождению ее от русского господства» [5, с. 48-50]. Следует заметить, что Ю.М. Мелиневский, член Союза освобождения Украины (СОУ), имел свой дом во Львове, участвовал в разработке «украинской мови», а 21 февраля 1913 г. во Львове сжег портрет русского царя. Мехмед Талаат-паша – фигура тоже известная. Это Великий визирь Османской империи, министр внутренних дел и один из главных организаторов геноцида армян.

Если перед войной Киев был центром культурного украинства, то с началом войны Львов стал центром украинского сепаратизма. В сентябре 1914 г. в ходе Галицийской битвы русская армия заняла всю Галицию и город Львов, в котором были арестованы профессор М. Грушевский и митрополит А. Шептицкий – главные фигуранты украинского сепаратизма. В резиденции митрополита был обнаружен секретный архив, замурованный в стене. Достоянием генерального штаба русской армии стали не

только переписка А. Шептицкого с Берлином и Веной, но и детальный план мероприятий по административному обустройству Украины после занятия ее территории австро-германскими войсками. По законам военного времени против арестованных деятелей следовало бы возбудить дело и судить их как изменников, однако по гуманным соображениям царского правительства их только выслали вглубь России.

По мере роста недовольства населения страны поражениями русской армии на фронтах первой мировой войны росло и крепло украинское движение за «самостийную» и «незалежную» державу. СОУ обратился к украинскому народу с призывом к измене. Его функционеры – В. Дорошенко, Д. Донцов, М. Зализняк и А. Жук перебрались в Вену, а затем стали создавать пропагандистские филиалы и в других европейских столицах, но царское правительство явно недооценивало их деятельность. Так, по дипломатическим каналам оно протестовало против использования труда русских военнопленных на работах военно-оборонительного характера. Рядовой В.Ф. Мещеряков, оказавшийся в плену в лагере Хайберг-Баден, свидетельствовал о приказах, в которых говорилось о том, что военнопленные не должны отказываться от военных работ, «так как они временно состоят в германском подданстве и должны исполнять все приказы начальства» [4, с. 8-9]. Но по отношению к военнопленным украинцам, татарам, грузинам, армянам немецкое командование, начиная с 1915 г., осуществляло другую политику. На работах военно-оборонительного характера их старались не использовать. Украинцы были собраны в два лагеря – Зальцведель и Раштадт, где их тщательно обследовали, некоторых отсылали обратно, а среди оставшихся вели пропаганду. Ее суть – украинцы должны быть против русских. Те, кого удалось убедить в этом, направлялись в лагерь Альтдамм близ Штеттина. Там были сформированы два батальона «сичевых стрельцов». Отдельно формировали отряд поляков в лагере Гарделебен («Поляки – наши союзники») [8, с. 28]. Эффект подобной практики был невысок. Малороссы неплохо питались в означенных лагерях, пели украинские песни, но сформированные из них части, направленные на Украину в 1918

г., оказались неспособными решать специфические задачи в условиях революционного хаоса.

После свержения самодержавия политический процесс на Украине начал заметно ускоряться: формировались новые органы власти, политические партии и вооруженные силы. До середины лета 1917 г. обстановка на Украине была спокойная и стабильная. Сепаратизм закрепился в сознании населения только в Галиции. На Украине же сформировалась Центральная рада во главе с непререкаемым авторитетом – профессором М.С. Грушевским. В конце июня 1917 г. в Киеве прошли переговоры министров Временного правительства А.Ф. Керенского, И.Г. Церетели и М.И. Терещенко с Центральной радой. Почувствовав слабость Временного правительства, представители Рады добились компромисса, фактически признания автономии Украины. М.С. Грушевский, призывавший «держатъ руку на пульсе народном», не предлагал никаких шагов к образованию самостоятельного государства.

Автономия Украины закреплялась в границах пяти губерний: Черниговской, Полтавской, Киевской, Волынской и Подольской. Это тоже был важный результат. Последовала за этим и украинизация административных органов, судов и школ. Центральная рада стремилась расширить территорию автономии до девяти губерний, однако события лета 1917 г. спутали все планы. Универсал, провозглашавший то, что украинцы «отныне сами будут создавать свою жизнь» вызвал в России политический кризис. Публицист А.С. Изгоев в своих воспоминаниях писал, что накануне 3 июля 1917 г. «ушли из министерства министры-кадеты из-за оборудованного Н.В. Некрасовым за их спинами «универсала» об автономии Украины даже без точного определения границ этого государственного новообразования» [2, с. 16].

Революция на Украине была, прежде всего, социальной. В политической жизни Украины тон задавали социал-демократы и эсеры. М.С. Грушевский продолжал пропагандировать национальные приоритеты и открыто заявлял о своем антисепаратизме. Сельское население вполне устраивала перспектива жизни в России федеративной. После захвата большевиками власти в Петро-

граде, Центральная рада провозгласила на Украине Украинскую народную республику (УНР) в составе России, при этом русским, как и другим нацменьшинствам, гарантировалась культурно-национальная автономия.

Большевики положительно отнеслись к УНР, но Центральная рада их не устраивала своей ориентацией на национальную революцию. Власть на местах в провинции в большей части мирно переходила в руки большевиков. Закрепить свой успех они собирались на Съезде советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов Украины в Киеве, однако этот всеукраинский форум был сорван. Большевики провели его в Харькове, провозгласив на Украине советскую республику. Через четыре дня эту республику признало Советское правительство. Всеукраинский ЦИК и правительство брали полноту всей власти на Украине в свои руки, не оставляя никаких шансов на это Центральной раде.

Но Центральная рада не сложила оружие. 9 января (по ст. ст.) 1918 г. на одном из заседаний Малой рады был принят 4-й Универсал (как считают историки – не без указания германской стороны), по которому была провозглашена «вольная и суверенная Держава» – Украина, ни от кого не зависимая. Держава выступала за мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов. Глава российской делегации Л.Д. Троцкий признал полномочия украинской делегации на переговорах в Брест-Литовске.

Весьма популярная после Февральской революции формула мира «без аннексий и контрибуций на основе самоопределения» в «Декрете о мире» получила расширенную трактовку: против всякого насильственного присоединения и удерживания «большим сильным государством» малой народности или нации, и даже независимо «от того, в Европе или в далеких заокеанских странах эта нация живет» [6, с. 2]. Германия же стремилась без громких заявлений «по тихому», используя украинское сепаратистское движение, присоединить Украину, а на северо-восточном участке фронт – Латвию, Эстонию и Финляндию. На переговорах в Брест-Литовске германская сторона настаивала на самоопределении народов, проживающих именно на этих территориях и стреми-

лась избегать постановки вопроса самоопределения народов на оккупированных ею территориях.

Газета «Неделя», предназначенная для русских военнопленных и выходящая в Вене, публиковала материалы дискуссии на переговорах в Брест-Литовске. Государственный секретарь Р. фон Кюльман напоминал, что русское правительство «провозгласило для всех без исключения живущих народов доходящее до полного их отделения право самоопределения». Именно на этом принципе «Финляндия и Украина провозгласили себя независимыми и Петроградское правительство признало это». Л.Д. Троцкий возражал, отмечая то, что на территории Финляндии не было чужих войск, «а на Украине еще не проведен процесс демократического самоопределения через всеобщий референдум». Генерал М. фон Гофман, отбросив терпение, протестовал: «Русская делегация говорит с нами, как будто они победоносно стояли бы в нашей стране и могли бы диктовать нам условия».

Для российской политической элиты право народов на самоопределение имело амбивалентный смысл. Об этом с пониманием существа вопроса писал И.Г. Церетели: «В социалистической среде никогда не прибегали к термину «распад России» как к синониму «провозглашения независимости одной страны». Русская демократия, к примеру, гордилась провозглашением независимости Польши, полагая, что она имеет дело с «волей польского народа», а противодействие этой воле только ослабило бы Россию «в государственном отношении» [7, с. 215-216].

Позиция В.И. Ленина была иной. Он считал приоритетной целью внешней политики Советской России «сохранение социалистической республики». Полемизируя с «левыми» оппозиционерами, В.И. Ленин убедительно разъяснял, что «ни один марксист, не разрывая с основами марксизма и социализма вообще, не сможет отрицать, что интересы социализма стоят выше, чем интересы права наций на самоопределение» [3, с. 251]. Лидер партии кадетов, партии русского конституционализма, выступал за «единую и неделимую Россию», а для борьбы с большевизмом он делал ставку на иностранную военную интервенцию, т. е. «осво-

бождать Москву в контакте и, насколько окажется необходимым, при прямом содействии германцев» [1, с. 23].

В Брест-Литовске украинские дипломаты за одну неделю провели сложные переговоры. При уточнении границ новой державы они робко высказали свое мнение о желательности присоединения к «незалежной» Украине Галиции, но генерал М. фон Гофман резко отклонил такое прошение. Галиция осталась у Австро-Венгрии. 27 января (9 февраля) 1918 г. мирный договор был подписан представителями Четверного союза и членами украинской делегации (А. Севрюк, М. Любинский и М. Левицкий) от имени «украинского народа», который «во время настоящей мировой войны объявил себя независимым» и пожелал установить мир с державами, находящимися в состоянии войны с Россией [6, с. 298]. Таким был первый мирный договор Великой войны, получивший название «хлебный».

На следующий день, в сильном возбуждении, Л.Д. Троцкий сделал свое знаменитое заявление о том, что Россия выходит из войны, но мы «вынуждены отказаться от подписания мира, а войскам отдается приказ о демобилизации по всему фронту». На какой-то момент немцы были шокированы таким заявлением, однако они очень быстро извлекли из этого максимум выгод. Для немцев теперь было очень важно добиться выполнения «хлебного» мира с Украиной и, пользуясь ситуацией срыва переговоров, начать наступление и сдвигать границы безопасности вглубь России, подальше от Германии. Начальник Генерального штаба германской армии П. фон Гинденбург отмечал в своей телеграмме рейхсканцлеру Г. Михаэлису: «Учитывая, что Троцкий не признал правомерность мирного договора с Украиной, следует считаться с возможностью продолжения гражданской войны между великороссами и украинцами. Наша заинтересованность в том, чтобы Украина одержала верх, настолько велика в связи с положением с продовольствием у нас и у союзников, что мы должны оставаться наготове к оказанию помощи Украине. На карту поставлена возможность исхода войны на Западе» [6, с. 318].

Это не оставляет никаких сомнений в том, для каких целей Германия ввела войска на Украину «по просьбе украинского

народа». Кучка сепаратистов оказалась в одной связке не только с реакционными кругами Германии, Австро-Венгрии, но и с политическим руководством Антанты, стремящимся расчленить историческую Россию. Но и немецкая оккупация не стабилизировала «самостийную» государственность: после революции в Германии оккупанты возвратились домой, а смена режимов правления на Украине не прекращалась.

Литература

1. Дневник П.Н. Милюкова. 1918-1921. – М., 2004.
2. Изгоев, А.С. Пять лет в Советской России (Обрывки воспоминаний и заметки) / А.С. Изгоев // Архив русской революции: в 22 т. Т. 9-10. – М., 1991. С.5-55.
3. Ленин, В.И. К истории вопроса о несчастном мире / В.И. Ленин // ПСС. Изд. пятое. Т. 35. – М., 1977. С. 243-252.
4. Наши военнопленные в Германии и Австро-Венгрии (По дополнительным сведениям). – Петроград, 1917.
5. Скрынченко, Д.В. Война и «украинцы» / Д.В. Скрынченко // Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914-1918: в 4 т. Т. 2. Консерваторы: великие разочарования и великие уроки / отв. ред. А.В. Репников. – М., 2014. С. 49-50.
6. Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора: Сб. документов. Ред. коллегия: С. Дёрнберг, Х. Зайдевиц, И.Н. Земсков и др. Т. 1 (1917-1918 гг.). – М., 1968.
7. Церетели, И.Г. К национальному вопросу в России. Открытое письмо заграничной делегации РСДРП / И.Г. Церетели // Дан Ф.И., Церетели И.Г. Два пути. Избранное: в 2 ч. Ч. 2. – М., 2010. С. 215-222.
8. Шамшурин, Ю. Два года в германском плену / Ю. Шамшурин. – М., 1917.

**THE UKRAINIAN SEPARATISM IN THE YEARS
OF WORLD WAR I:
FROM PROMOTION TO «INDEPENDENT» STATE**

N.G. Shelepenkin, G.L. Lekomtsev

*FSBEI HPE «Perm State National Research University»,
Perm, Russia*

The article reveals communication of the Ukrainian nationalists' russophobia and separatism promotion with implementation practice of Austro-Hungary and Germany annexationist plans in the years of World War I, from its beginning and to the first foreign policy steps of the «independent» Ukraine (UPR).

Keywords: routines, Ukrainian separatism, Ukrainian People's Republic, German occupation.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ К.Г. Гаврилов.....	3
ПРАВОВЫЕ УСЛОВИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАСС ВЗАИМОПОМОЩИ В ПРОФСОЮЗЕ РАБОТНИКОВ ИСКУССТВ В 1920–1930-е гг. (НА МАТЕРИАЛАХ СРЕДНЕЙ ВОЛГИ) Л.Ю. Федосеева.....	13
ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ ФССП ПО ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ Ф.Н. Байбиков.....	18
ПЕНЗЕНСКИЙ ГОРОДСКОЙ СОВЕТ И НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В 1930-е ГОДЫ В.А. Власов.....	23
ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1905–1915 гг. К.Г. Гаврилов, А.А. Павлова.....	28
РАЗВИТИЕ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ В 1930-е гг. Т.В. Гаврилова.....	33
ЗАБОЛЕВАЕМОСТЬ И ОРГАНИЗАЦИЯ МЕДПОМОЩИ В ЛАГЕРЕ ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОПЛЕННЫХ № 399 В.Ю. Кладов.....	39
МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО СТУДЕНЧЕСТВА В 1920-Е ГОДЫ (НА МАТЕРИАЛАХ СРЕДНЕЙ ВОЛГИ) Ю.Н. Коротин.....	47
ФОРМЫ УСТРОЙСТВА ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ Ю.В. Котова.....	52
ТРУД, БЫТ И ЗДОРОВЬЕ РАБОЧИХ-ПОДРОСТКОВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1920-е гг. И.Л. Кузина.....	58
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ СЛЕДСТВЕННЫМИ ИЗОЛЯТОРАМИ С.А. Лавёрычева.....	63
ВЛИЯНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ НА КАЧЕСТВО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ МСУ ГОРОДА САРАТОВ С НАСЕЛЕНИЕМ В.А. Михно.....	67

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФАКТОРОВ, СПОСОБСТВУЮЩИХ ВОЗНИКНОВЕНИЮ ПРАВОНАРУШЕНИЙ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	
А.А. Никишина.....	72
КОНТРОЛЬ НАД РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГГ.	
А.М. Подлужная.....	76
ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ С УЧАСТИЕМ ЛИЦ, ИМЕЮЩИХ ДЕФЕКТЫ ПСИХИКИ	
Е.Ю. Самолаева.....	82
СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ БЕСПРИЗОРНИКА 1930-Х – 1940-Х ГГ. В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ПЕНЗЕНСКОГО РЕГИОНА)	
Н.В. Семина.....	87
РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНФРАСТРУКТУ- РЫ ФРАНЦУЗСКОГО КУЛЬТУРНОГО ПРИСУТСТВИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ	
П.А. Спиридонов.....	92
КРЕСТЬЯНСКИЕ СУДЬБЫ В УСЛОВИЯХ «ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА»	
А. В. Тишкина.....	96
КЛУБ КАК ФОРМА КОЛЛЕКТИВНОЙ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В 1920-Е ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ КЛУБА ИМЕНИ 1 МАЯ ПРИ СОЮЗЕ СОВРАБОТНИКОВ)	
И.С. Царёв.....	101
УКРАИНСКИЙ СЕПАРАТИЗМ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ОТ ПРОПАГАНДЫ ДО «САМОСТИЙНОЙ» ГОСУДАРСТВЕННОСТИ	
Н.Г. Шелепенькин, Г.Л. Лекомцев.....	105

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ПОЛИТИКИ И ПРАВА

**III Всероссийская
научно-практическая конференция**

Сборник статей

**Сборник будет размещен в РИНЦ
(договор №1166-10/2013К от 08.10.13)**

Под общей редакцией: *Л.Ю. Федосеевой*

Ответственный за выпуск специалист по учебно-методической работе
МНИЦ *Е.А. Галиуллина*

Компьютерная верстка *Т.В. Масловой*

Статьи публикуются в авторской редакции

Подписано в печать 12.01.16
Бумага Гознак Print
Тираж 95 экз.

Формат 60×84 1/16
Уч.-изд. лист. 7,25
Заказ № 2

РИО ПГСХА
440014, г. Пенза, ул. Ботаническая, 30